

„Socialistisches Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 5 fr.
et Yougoslavie.
Preis in Deutschland und 1.00 m. (6 fr.)
sonstigen Ländern

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 18-19 (374-375)

16-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр.,
на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.;
для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр.,
на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca,
(Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

10 Октября 1936 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

Международный пролетариат и Испания (резолюция РСИ и МФПС).
Передовая: Испания — цитадель свободы и мира.
Ф. Дан. Подготовка к борьбе.
А. Югов. Кооперация в советской деревне.
С. Шварц. Годовщина стахановского движения.
Литература и жизнь: В. Александрова. После расстрела 16-ти.
Отто Бауэр. К московским казням.
В Рабочем Интернационале.

Фельетон: Ф. Адлер. Московский «процесс ведьм»

Заграницей: Девальвация и классовая борьба во Франции. —
Красная Скандинавия. — Победа социалистов в Польше.
— Обще-австралийский съезд Рабочей Партии. — Испан-
ская революция и советские заключенные. — 75-летие
А. Брака.
По России: Процесс Зиновьева-Каменева. — Новая конститу-
ция.
Из партии: Сборы на нужды испанских борцов.
Издания, поступившие в редакцию. — Почтовый ящик.
(Попытка договориться с Георгием Димитровым).

Международный пролетариат и Испания

На состоявшемся 28 сентября в Париже совме-
стном заседании Генерального Совета Междуна-
родной Федерации Профессиональных Союзов и
Исполнительного Комитета Рабочего Социали-
стического Интернационала была единогласно
принята следующая резолюция:

Собравшись 28 сентября в Париже на совместное за-
седание, Генеральный Совет МФС и Исполнительный
Комитет РСИ

подтверждают свою декларацию от 28 июля о том,
что, согласно неизменным нормам международного пра-
ва, регулярному и законному правительству Испании,
представляющему громадное большинство испанского
народа без различия политических убеждений и рели-
гиозных верований, должна быть дана возможность по-
лучать все, необходимое для его самозащиты.

Заслушав сообщения Паскуаля Томаса, делегата Про-
фессионального Центра Испании, и Хименеца д'Асуа,
представителя испанской социалистической партии, о
положении дел в Испании,

они подчеркивают важное значение сделанных в Ли-
ге Наций министром иностранных дел Испании заявле-

ний, согласно которым Германия и Италия и после по-
дписания ими пакта о не-вмешательстве продолжали —
непосредственно или через посредство Португалии —
снабжать восставших против законного правительства
мятежных генералов оружием, аэропланами и танками.

Долг всех правительств, и особенно французского и
британского правительств, немедленно учесть эти тяж-
кие обвинения.

Международное соглашение держав о воздержании о
посылки оружия в Испанию было заключено в целях
предотвращения опасности мировой войны и может со-
хранять свою силу лишь постольку, поскольку оно до-
статочно соблюдается всеми. Нарушение этой новой меж-
дународной конвенции Германиею и Италией должно
неизбежно повлечь за собою пересмотр создавшегося
положения и другими государствами.

МФС и РСИ заверяют испанский рабочий класс в
своей солидарности с той героической защитой прав че-
ловека и гражданина, которая ведется в Испании. По
отношению к этой борьбе международное ра-
бочее движение не занимает нико-
гда не займет позиции нейтралитета!

Испания — цитадель свободы и мира

К Мадриду прикованы взоры всего мира. К вестям из Мадрида с тревогой прислушиваются все, кому дорого дело цивилизации, гуманности, демократии, социализма. Удастся ли бандитам в генеральских мундирах овладеть столицей испанской республики, сломить героическое сопротивление испанского народа? От ответа на этот вопрос зависят не только ближайшие судьбы Испании. От него зависят судьбы всей Европы, более того — судьбы всего мира.

Конечно, и взятие Мадрида ни на минуту не остановит борьбы. В противоположность фашизму Италии и Германии, испанский фашизм никогда не имел, не имеет и не будет иметь массовой опоры. Крестьянские и рабочие восстания и сейчас то и дело вспыхивают в тылу мятежных генералов. Владея почти всей регулярной армией Испании, они и сейчас не смеют пустить эту армию в ход, опасаясь, что солдаты ее против них обратят свое оружие. Им нужно было привести из Африки марокканцев и наемников иностранного легиона, чтобы начать свой разбойный поход на испанское «отечество». Никаких народных сил, кроме «карлистов», представителей самого заскорузлого, средневекового монархизма, несмотря на все свои «победы», несмотря на благословение церкви, они увлечь за собою в католической Испании не могли. Они держатся и побеждают только «техникой»: превосходством своей военной организации и превосходством своего вооружения, захваченного в неосторожно доверенных им республикой арсеналах Испании и получаемого из Германии, Италии и Португалии. И захватив Мадрид, они останутся кучкой завоевателей в чужой и сплошь враждебной им стране. Борьба не на жизнь, а на смерть, которою миллионные массы испанского пролетариата, крестьянства, мешанства ответили на их нападение, не прекратится. Она лишь примет другой характер.

И сейчас оборона республики, с неслыханным самоотвержением и героизмом предпринятая народными массами, перерастает, как это иначе и не может быть, в народную революцию, стремящуюся на деле осуществить тот лозунг превращения Испании в «республику трудящихся», который, как только что напомнил в заседании кортесов Ларго Кабаллеро, с самого начала на словах провозгласила республиканская конституция. Конечно, как это опять-таки иначе и быть не может, бурный разлив революционной стихии вовлекает в свой поток самые низовые пласты масс со всем тем грузом бескультурья, политической и организационной неопытности, отчаяния, ненависти и злобы, который накоплен в них веками угнетения и эксплуатации и который дает себя знать теперь вспышками «анархии» и «эксцессов», — и в сравнение, впрочем, не могущих идти с тем систематическим и холодным зверством, которым отмечают каждый свой шаг «цивилизованные» бандиты и которое позволило одному из них, генералу Мола, с циничной откровенностью признать, что для того, чтобы дорваться до власти, он готов перерезать половину населения Испании и зажечь пожар мировой войны. И, конечно, как это снова и снова иначе не может и быть, неумолимые требования революционной самообороны навязывают и самой легальной, самой демократической по своему происхождению власти диктаторский характер.

Но нынешняя революционная власть, вышедшая из демократических учреждений, созданных республикою, и интимно связанная с демократически построенными организациями, до которых удалось донине доработаться трудящимся массам, делает все, чтобы возможно скорее и с возрастающим успехом организовать,

дисциплинировать и политически целесообразно направить революционную энергию масс, превратить революционную «партизанщину», так дорого стоящую самим трудящимся массам, в правильно построенную и способную к согласованным действиям и маневрированию революционную армию и самое неизбежную революционную диктатуру поставить на прочный демократический фундамент, сделав ее органом свободного волеизъявления всех тех демократически организованных слоев народа, которые встали на защиту республики. Занятие же Мадрида мятежниками, вырвав из рук революционной власти такое могучее орудие организации революции, каким является централизованный, республиканско-государственный аппарат, сорвало бы или во всяком случае прервало, затруднило и замедлило этот процесс. Единственным последствием этого был бы тот самый разлив «анархии», та самая «большевизация» революции и революционной диктатуры, о которой теперь заведомо лживо кричит в своей печати капиталистическая буржуазия всех стран, пугалом «большевизма» и «анархии» прикрываящая свою ненависть к той революции трудящихся, которою Испания так единодушно ответила на контр-революцию военщины, церкви, монархии, феодализма и крупного капитала.

Невозможно не видеть: испанская республика атакована не одними мятежными генералами, она атакована фашистско-капиталистической реакцией всего мира. Своими генералами она справилась бы давным давно, без бурного разлива гражданской войны и без всякой «анархии». Но она обороняется от фашистско-капиталистической реакции всех стран без исключения. Эта реакция открыто спешит на помощь испанским мятежникам там, где она, как в Италии, Германии, Португалии, стоит у власти. Она делает все, чтобы обезоружить и задушить испанскую республику там, где дана открытой помощи мятежникам у нее руки коротки. Самые священные свои экономические, империалистические и военно-стратегические интересы сегодняшнего дня она приносит в жертву, чтобы ее завтрашнему дню не угрожал разгром фашизма и победа социализма на Пиренейском полуострове. Фашистско-капиталистическая реакция хорошо знает: испанская гражданская война — это один из самых драматических эпизодов неслыханно надвигающейся мировой борьбы между все более неотделимыми друг от друга силами демократии и социализма, с одной стороны, и столь же неразделимыми силами фашизма и капитализма, с другой. Она может и не хочет поэтому быть в испанской драме нейтральной, хотя и прикрывает свою явную интервенцию в пользу испанских фашистов фальшивым флагом «нейтралитета». Более того, она спешит использовать временное ослабление пролетарского социализма, не оправившегося еще от поражений, понесенных в Италии, Германии, Австрии, Польше, балканских и прибалтийских странах, чтобы начать (как это с такою наглостью и показывает Испания!) наступление на демократию и социализм, хотя прикрывает и это наступление лицемерными причитаниями об обороне цивилизации, культуры, религии, нации от варварства «большевизма». Мировая фашистско-капиталистическая реакция не хочет и не может быть нейтральной в испанской драме, потому что хорошо знает: победа испанской республики была бы победой демократии и социализма во всем мире; ее поражение было бы тяжким ударом для всей мировой демократии, всего мирового социализма. Она всячески содействует поэтому ее поражению. Но именно поэтому и международный рабочий класс не может уклониться от боя, который навязан

зывает ему фашистско - капиталистическая реакция. Именно поэтому и он, как только что вполне определенно сказали. Социалистический и Профессиональный Интернационалы, не хочет и не может быть «нейтральным», становится, как один человек, на сторону испанской республики.

И он тем менее может быть нейтральным, что в Испании идет бой не только между демократией и фашизмом, не только между социализмом и самым реакционным капитализмом. Или точнее: именно потому, что в ней идет бой между демократией и социализмом, с одной стороны, фашизмом и капитализмом, с другой, в ней идет одновременно бой и между всесветным миром и мировой войной. Фашисты Испании уже сейчас заготавливают горячий материал для нее, обещая Италии Балеарские острова и Германии Канарские, закладывая таким образом пороховые мины новых империалистических антагонизмов, которые взорвутся, когда освобожденная от «кошмара» испанской республики и испанского социализма капиталистическая буржуазия снова получит возможность дать полный ход своим империалистическим интересам и военно-стратегическим расчетам.

Мировой пожар станет почти неизбежным в случае победы фашизма в Испании, когда Франция окажется с трех сторон окруженной государствами фашистской диктатуры. Он станет неизбежным, если победа фашизма в Испании будет толчком к победе его во Франции и Бельгии, и вся континентальная Европа превратится в банку, где фашистские пауки, не сдерживаемые страхом разгромленных ими демократии и социализма, смогут ринуться на поедание друг друга. Он станет тем более неизбежным, если посреди фашистского моря уцелеет, как одинокий остров, Франция Народного Фронта — этой второй цитадели свободы, демократии и социализма, не менее ненавистной фашистско - капиталистической реакции всего мира, чем цитадель испанская.

Победа фашизма в Испании — это европейская и мировая война; победа испанской республики — это мир. Трудящиеся всего света страстно хотят мира. Они не могут быть «нейтральны» в испанской драме.

Рабочий класс не хочет и не может быть нейтральным, заявляют единодушно представители всего коммунистически, социалистически и профессионально организованного международного пролетариата. И тем не менее, в разрез с этим единодушным настроением рабочего класса, все без исключения правительства, в которых заседают его представители (Бельгия, Чехословакия), которые этими представителями возглавляются (Дания, Норвегия, Швеция, Франция) и даже коммунистически - диктаторское правительство Советского Союза — все они без исключения практикуют ту самую политику двусмысленного, потому что лишь испанским мятежникам идущего на пользу, «нейтралитета», которую бурно отвергает сознание и чувство представляемого ими класса. Более того. Именно правительство французского Народного Фронта оказывается формально как бы инициатором этой политики. Как объяснить этот трагический парадокс?

В другой связи мы указали в прошлом номере *) те обстоятельства, которые заставили французское правительство — не нейтралитет провозгласить (сказать это было бы совершенно неверно), а попытаться смягчить пагубные для испанской республики последствия нейтралитета, на ввязанного ему позицией других правительств, особенно консервативного правительства Англии, и опасением полной изоляции в грозившей войне

с Германией, предложением об «интернационализации» нейтралитета, о международной обязательности его для всех держав, в том числе и фашистских. Это — те же самые обстоятельства, которые побудили и большевистскую диктатуру (еще до французского предложения!) воздерживаться от посылки оружия испанскому правительству и даже пойти еще дальше — временно воспретить всякую публичную агитацию и всякие сборы средств для героических защитников испанской республики, теперь, к счастью, вновь разрешенные.

Было бы чистейшей демагогией не оценить всей глубиной серьезности тех соображений, которыми Леон Блюм в своей речи в Луна-Парке обосновывал свою политику в испанском вопросе. И было бы поистине чудовищным преступлением перед делом демократии и социализма превратить свое несогласие с этой политикой в таран против правительства Народного Фронта, падение которого расчистило бы дорогу фашизму во Франции и сделало бы дело испанской республики окончательно безнадежным. Но можно и должно констатировать, что политика эта не дает тех результатов, которых от нее ждали: ибо слишком очевидна опасность, что испанские мятежники будут завалены самым усовершенствованным оружием, а обезоруживаемая испанская республика истечет кровью раньше, чем тяжелая дипломатическая машина доедет до действительной интернационализации нейтралитета: абиссинская история найдет свое, и еще бесконечно более трагическое повторение! Можно и должно поэтому пытаться выяснить те причины, которые грозят завести политику нейтралитета в тупик, и искать выходов из этого тупика.

Ником образом нельзя считать войну фатальной неизбежностью; надо все делать для ее предотвращения, — вот идея, лежащая в основе политики правительства Народного Фронта и внушившая ему мысль об интернационализации нейтралитета, как единственном способе сохранить висящий на волоске мир. Идея, которую разделяет весь международный социализм. Идея, которая должна быть незыблемой основой его политики. Идея верная, но — верная лишь в сочетании с другою идеею.

Верно, что война ни в коем случае не является фатальною неизбежностью. Но не менее верно и то, что «тоталитарные» фашистские режимы с фатальной неизбежностью создают все возрастающую военную опасность и приближают момент, когда неизбежной станет и самая война. Поэтому верна и, с точки зрения пролетарского социализма, единственно правильна политика, стремящаяся предотвратить или, по крайней мере, отсрочить войну и, во всяком случае, сделать ясным трудящимся всего мира, что не на социализм падает вина за тот кровавый смерч, который фашизм готовится обрушить на человечество. Но действительной, а не иллюзорной может быть эта политика мира лишь постольку, поскольку она ни на минуту не упускает из виду, что фашизм — это по самой природе своей война; что тщетно пытаться укреплять фашизм одного вида в надежде сделать его оплотом мира против фашизма другого вида; что охранять мир можно лишь политикой, ослабляющей и подрывающей в ее разновидности тоталитарных фашистских режимов, политикой, не покупавшей их благосклонность уступками, а держащей их в узде и парализующей их агрессивность противопоставлением им превосходящей их силы.

Социализм, конечно, не хочет и не должен проповедывать «крестовый поход» против фашистских режимов и брать на себя инициативу «религиозной» войны. Но он должен в то же время ясно сознавать, что инициативу такой войны, истребительной войны против демократии и социализма, уже берет на себя фашизм. Можно всеми силами отмахиваться от перспективы разделения Европы на два непримиримых «блока». Но нельзя не видеть, что тысячу раз прав был испанский ми-

*) «На Народном Фронте Франции».

нистр иностранных дел, тов. Дель-Вайо, когда в своей речи в Лиге Наций, на анализе той внутренне- и внешне-политической обстановки, в которой протекает гражданская война в Испании, показал, что — не по инициативе социализма, а по инициативе фашизма! — это разделение на «блоки» становится все более решающим фактором международных взаимоотношений. Этого факта не может не учесть социализм, если он хочет, чтобы его, принципиально вполне оправдываемое, стремление к «универсальности» Лиги Наций и системы коллективной безопасности и взаимопомощи, как и стремление ко всеобщему разоружению, не превратилось в погоню за миражами, только ослабляющую и разлагающую с трудом складывающийся «блок» демократии и социализма, и только поощряющую требовательность воинствующего фашизма и усиливающую его и без того куда уже более прочный «блок».

Надо ненавидеть войну, но нельзя ее бояться, ибо боязнь войны есть прямое поощрение для тех, кто ее хочет и готовит, самое верное средство ее накликать. Эта мысль Жореса, которую недавно имел случай напомнить председатель РСИ, т. Де-Брукер, получила как нельзя более наглядное подтверждение на сессии Лиги Наций.

Во все той-же иллюзорной погоне за Муссолини, как за союзником против Гитлера, которая уже позволила итальянскому дуче с успехом завершить свой грабительский поход на Абиссинию, великие державы уже готовы были совершить последний акт международного предательства по отношению к несчастной стране и последний акт капитуляции Лиги Наций перед угрозами опытенного победой фашиста. Но, к счастью, на этот раз великие державы встретили сопротивление внутри Лиги Наций. Представители окровавленной и ограбленной Абиссинии заняли место за ее столом. И что-же? Все хвастливые угрозы Муссолини оказались блэффом. Он не ушел из Лиги Наций и не отказался от участия в Локарнской конференции. Не «великим демократиям Запада», а родоначальнику фашизма приходится ломать себе голову над тем, как сочетать свое вчерашнее хвастовство со своим сегодняшним «благоразумием». Не внутренне- и внешне-политическому престижу демократии, а престижу фашизма нанесен урон. И как ни мал этот урон, он является большим вкладом в дело охранения мира, чем самые большие уступки фашизму.

Этот урок должен быть учтен демократией. Она должна наконец сказать себе, что безгранична лишь наглость фашизма, но отнюдь не его силы и возможности. Она должна понять, что, если фашизм кажется ей таким несокрушимым гигантом, таким «великим», то это потому, что она сама, по слову Сийэса, «стоит на коленях». Пора ей «встать».

Можно с большим вероятием думать, что, если бы демократия не «стояла на коленях» в самом начале испанских событий, то перед ее твердостью рассеялся бы шантаж германского и итальянского фашизма, а вместе с тем был бы прочно гарантирован и мир, — хотя бы потому, что гражданская война в Испании не приняла бы ни того размаха, ни той длительности, которые каждый день грозят новыми международными осложнениями. Нет сомнения в том, что и теперь не проявлением слабости, а только твердостью может демократия спасти мир. Немедленное принятие лондонским комитетом «координации» мер, которые действительно обеспечивали бы безоговорочное, «стопроцентное» прекращение полвоза оружия испанским мятежникам фашистскими правительствами. И немедленный пересмотр политики «нейтралитета», а на деле односторонней блокады республиканского правительства Испании, если такого рода меры сейчас почему-либо приняты быть не могут. Всякая затяжка явилась бы таким же прямым поощрением фашизма, как поощрением его

была затяжка санкций, «в принципе» решенных чуть ли не с первого дня итальянского нападения на Абиссинию и дала бы такие-же результаты. Такова должна быть «испанская» программа демократии и социализма.

Мы ни на минуту не забываем всех тех трудностей, которые стоят на пути к проведению этой программы. Мы не забываем, что, наряду с правительством французского Народного Фронта и правительством Советского Союза, одним из решающих и даже, быть может, в нынешних условиях самым решающим участником «анти-фашистского» блока является консервативное правительство Англии. В его руках находится сейчас ключ к победе или поражению испанского, а вместе с тем германского и итальянского фашизма. Тем более ответственная задача ложится сейчас на английскую Рабочую Партию. Но тем более ответственная задача ложится и на правительства Франции и Советского Союза.

Невозможно, конечно, ожидать от них, чтобы они односторонним актом разорвали соглашение о «нейтралитете», которое, худо-ли, хорошо-ли, связывает их с другими правительствами. Невозможно, конечно, считать и с теми специфическими трудностями, которые стесняют свободу действий каждого из них. Для французского правительства эта специфическая трудность состоит в том, что оно не является правительством рабочего класса, а правительством коалиции социалистов с радикалами, которые в значительном большинстве своем являются представителями слоев крестьянства и городского меланства, готовых идти против крупного капитала и фашизма в союзе с пролетариатом, но которые в части своей, — как свидетельствует хотя бы систематическая оппозиция правительству Блюма со стороны части радикальной фракции сената, — далеко еще не порвали связей с капиталистической буржуазией. Для советского правительства она состоит в том, что одностороннее выступление его было бы водой на мельницу не только германского и итальянского фашизма, но и тех влиятельных слоев капиталистической реакции во Франции и Англии, которые пользуются призраком «большевизма», чтобы фактически душить испанскую республику и готовить мнимое «замирение» Запада за счет предоставления Гитлеру свободы действий на Востоке.

Но чего можно и должно ожидать от французского и советского правительств, а вместе с ними и от всех социалистических и социалистических — демократических правительств Европы, — это такой ясной и принципиальной постановки вопроса о борьбе за мир и такой настойчивой и чуждой иллюзий инициативы в испанском вопросе, которая сломит сопротивление консервативного правительства Англии и сделает возможным не односторонний, а коллективный пересмотр политики иллюзорного «нейтралитета», пересмотр, который так отвечал бы не только настроению, но и безошибочному политическому инстинкту широчайших рабочих масс всех стран.

Последние выступления Литвинова в Лиге Наций по абиссинскому и испанскому вопросам свидетельствуют, как будто о том, что советское правительство начинает сознавать лежащие на нем задачи. Эти выступления так контрастируют со всем направлением внешней политики советского правительства за последние годы, что можно с некоторым правом говорить о резком «повороте» *).

*) Насколько этот поворот оказался неожиданным даже для присяжных официозов советской внешней политики, свидетельствует следующий забавный факт. В «Юманите» от 17 сентября Габриэль Пэри пишет: «Если бы нам могли предсказать что-либо, способное восстановить силу международных

ская интрига, как инсинуирует значительная часть заграничной печати, предназначенная не то сорвать лондонскую конференцию, оттолкнув от нее Италию, не то оказать давление на Францию в смысле большей активизации франко-советских договорных отношений, — а действительное изменение курса, которое не могло бы не найти отражения во всей деятельности советского правительства и на международно-пролетарской, и на внутренне-политической арене, то его можно было бы только приветствовать.

Но — поживем, увидим. Пока же, что бы ни делали правительства, рабочий класс не хочет и не может быть нейтральным. Помогая всеми доступными ему средствами республиканскому правительству Испании, он преисполнен сознания, что спасает от фашистского варварства и военной катастрофы не только Испанию, но всю Европу, весь мир. Демократия должна «встать». Рабочий класс поднимает ее с колен и тем еще раз свидетельствует о неразрывной отныне связи ее — с пролетарским социализмом.

Подготовка к борьбе

Через каких-нибудь полтора месяца соберется советское «Учредительное Собрание» для принятия новой конституции. Следует ожидать, что оно примет без всяких сколько-нибудь существенных изменений проект, представленный Сталиным.

Суть этого проекта заключается в том, что он дает народу весьма демократическую по своим принципам и формулировкам конституцию, но оставляет на деле всю власть в руках единоличного диктатора. С введением конституции советский режим демократическим не станет. Но он окажется пронизан еще более зияющими противоречиями между принципами и практикой, формой и содержанием, словами и фактами, чем до сих пор. И — поскольку в советском обществе имеются социальные силы, кровно заинтересованные в демократизации советского режима, а я думаю, что такие силы не только имеются, но и нарастают в рабочих и крестьянских массах, — противоречия эти и на сей раз окажутся, по выражению Маркса, двигателем общественного развития.

Введение конституции не принесет с собою демократии. Оно не предрешит политических итогов завершающегося периода большевистской революции, не разрешит той тяжбы между единоличной диктатурой и демократией, между двумя тенденциями этого периода, о которой я говорил в другой связи. Но оно поставит эту тяжбу в новые условия. Оно создаст новый плацдарм для борьбы за демократизацию советского режима и даст народным, рабоче-крестьян-

скому праву по отношению к Абиссинии, мы с готовностью приняли бы это. Но никто ничего такого предложить не может. Как это ни грустно, но присутствие негуса в Женеве не вернет Абиссинии независимости, нагло отнятой у нее силой оружия. А между тем — почему не сказать этого? — отсутствие Италии еще ухудшит последствия итальянско-германского сближения. Но, в интересах мира, в интересах коллективной безопасности, в очевидных интересах независимости народов необходимо сделать все, чтобы помешать блоку двух фашистов. На днях Аршамбо писал: «Франция должна вернуть себе итальянскую дружбу». Мы несколько не колеблемся сказать, что это и наше мнение». И т. д. А ровно через 6 дней (23 сент.), после выступления Литвинова в защиту абиссинских мандатов, тот же Пэри, в той же «Юманите», как ни в чем не бывало, обрушил громы своего негодования на французское правительство, склонявшееся к аннулированию абиссинских мандатов, за его «бессмысленную политику» и с жаром доказывал: «Итальянской дружбы Франция себе этим не вернула, да и не пеною подготавливаемых из-за угла предательских ударов по Абиссинии может она вернуть ее себе».

ским массам в руки новые орудия для этой борьбы. Эти орудия окажутся тем более действительными и плодотворными, чем более интенсивно, организовано и политически целесообразно сумеют воспользоваться ими массы. И если они не пройдут просто мимо них, то снова вырваны из их рук они могли бы быть лишь в порядке подлинного «переворота», в порядке открытой отмены новой конституции. Но отменить только что возведенную конституцию Сталин, по ряду внутренне- и внешне-политических причин, о которых я уже имел случай говорить, не может, — по крайней мере, сейчас не может. Поэтому он со своей стороны готовится к борьбе на новом плацдарме за увековечение режима заостряющейся в единоличие диктатуры, — готовится, надо признать, с энергией и настойчивостью, которой могут позавидовать все сторонники демократизации.

Одной из форм этой подготовки Сталина к борьбе является ускоренное и систематическое «обезвреживание», а то и истребление всех тех, уцелевших от прошлого в сколько-нибудь организованном состоянии, элементов, которые могли бы послужить кристаллизационным пунктом для рабоче-крестьянской «конституционной» оппозиции его диктатуре. Кульминационной точкой этой «превентивной» работы Сталина оказался (пока, по крайней мере!) вопиющий «процесс 16-ти».

Расстрел Зиновьева, Каменева и их 14 сообвиняемых — это, конечно, не «9-ое термидора». День 9-го термидора не нуждался ни в каких анализах, чтобы документировать свое, поистине историческое, «поворотное» значение. Он сам тут же, немедленно, «стихийно» засвидетельствовал это значение — бурной радостью одних слоев населения и столь же бурными негодованием, возмущением, печалью других; внезапно изменившимся видом Парижа и всех городов Франции, центральные улицы которых заполнились толпами тех, кто, притаившись в подполье, нетерпеливо ждал гибели революции, и с которых оттеснены были снова в узкие и мрачные закоулки предместий плебеи, вчера еще бывшие и чувствовавшие себя «хозяевами». Казнь Робеспьера с непререкаемой очевидностью отметила собою окончательную победу контр-революции. И этим она отличалась от казней Дантона, Эбера, Шометта и столь многих других, хотя их казнями Робеспьер, несомненно, сам подготовлял и свою собственную гибель, и гибель революции. Этим она отличается и от казни Зиновьева и Каменева. Расстрел 16-ти, задуманный Сталиным для укрепления режима единоличной диктатуры, есть, конечно, гигантский шаг на пути, подготавлиющем победу контр-революции. Но это не есть еще ее окончательная победа, открывающая новую страницу истории, ставящая крест на революции и тающих в ней возможностях демократического завершения и заставляющая наново ориентироваться в новом, принципиально отличном, соотношении общественных сил. Расстрел 16-ти не «переломил» и не оборвал противостояния двух тенденций развития советского общества, которые одинаково коренятся в почве советской революции, в смысле окончательного торжества одной из них. Но он в высочайшей степени обострил их взаимный антагонизм и приблизил момент их решительного столкновения, — столкновения между тенденциями единоличной диктатуры и тенденциями рабоче-крестьянской демократии, в котором и будут подведены социально-политические итоги революции.

Процесс и расстрел 16-ти — это ни в коем случае не окончательная победа Сталина. Можно даже с некоторым правом сказать, что этот процесс и этот расстрел оказались его поражением.

Это, как нельзя более отчетливо, сказало, прежде всего, на том международном резонансе, который они вызвали. Я не говорю сейчас о том, какие козыри дали они Гитлеру и какое желанное прикрытие для

политики той мировой капиталистической реакции, которая хотела бы столкнуться с германским фашизмом за счет Советского Союза, как ослабили они поэтому внешне-политические позиции Сталинской диктатуры. Я говорю, главным образом, о международно-пролетарском резонансе, о резонансе в тех многомиллионных массах трудящихся всех стран, которые хотели и хотят всеми силами защищать Советский Союз, которые хотели и хотят видеть в нем оплот революции, оплот своего собственного освободительного движения. Этой воле масс к защите Советского Союза, увы, нанесен сильнейший — будем надеяться, не смертельный! — удар той картиной внутреннего состояния Советского Союза и действительной политики Сталинской диктатуры, которую, так внезапно и неожиданно для них, раскрыл перед ними московский процесс. Но — и тут и начинается поражение Сталина и тех тенденций развития, которые в нем олицетворяются, — этот процесс нанес сильнейший удар и тем иллюзиям, которые эти массы питали и питают и которыми Сталин так умело пользовался и пользуется для укрепления своего внутренне-политического положения.

Впервые перед самыми «левыми» социалистами и даже коммунистами Европы — притом отнюдь не только перед «вождями», а также и перед массами и даже, быть может, особенно перед массами — со всею ясностью предстает вопрос о неразрывной связи между внутренним развитием Советского Союза и той ролью, которую он может и должен сыграть в мировой борьбе между социализмом и фашизмом. Впервые вопрос о демократизации советского режима становится своим, кровным вопросом международного рабочего движения. Впервые поэтому является основание думать, что это движение во все возрастающей степени будет активно поддерживать тенденции к демократизации советского режима в их борьбе с тенденциями сталинской единоличной диктатуры — не из платонической и потому без-

действенной симпатии к принципам демократии, а из отчетливого сознания тех гигантских опасностей, которыми грозил бы окончательный триумф сталинского единодержавия всему международно-пролетарскому делу. Впервые после долгих лет основной политической лозунг российской социалдемократии — демократизация советского режима — становится в деле лозунгом и самого «левого» международного социализма. Это — огромный плюс для дела русской революции и для дела мирового пролетариата, но это — несомненное поражение для политики Сталина.

Труднее установить с такою-же категоричностью, что процесс и расстрел оказались для него таким-же поражением и внутри страны. Наш корреспондент (см. ниже в отделе «По России») конечно прав, когда отмечает, как характерное для современного момента явление, что впервые оказался в Советском Союзе заметный общественный слой, отнесшийся с равнодушием, доверием, а то даже и с одобрением к гнусной «судебной» трагикомедии. Это иначе и быть не может, ибо, если бы не было в Союзе довольно широкого слоя «использователей» революции, всячески лелеяемых сталинской диктатурой и, в свою очередь, поддерживающих ее не за страх, а за совесть, то самое существование этой диктатуры было бы невозможно. Но, что думает не эта привилегированная нажива революции, а те рабочие и крестьянские массы, которые вынесли и выносят революцию на своих плечах. — это никто пока с уверенностью сказать не может, ибо у этих масс сейчас и такого скромного способа для выражения своих мнений, который, при настойчивости и умении, могут дать им хотя бы тайные выборы по новой конституции. Можно лишь предполагать, что реакция этих масс на новую волну судебных и вне-судебных расправ так же отлична от реакции прихлебателей сталинской диктатуры, как отличны их интересы...

Но в чем вряд-ли может быть сомнение, так это в том, что сам Сталин уже учел процесс и расстрелы 16-ти,

Московский „процесс ведьм“ *)

Попытка договориться с Георгием Димитровым.

Под давлением волны возмущения, вызванной в общественном мнении Европы и Америки процессом Зяновлева, Каменева и их 14 сотоварищей по скамье подсудимых, Народный Комиссариат Юстиции Советского Союза решил издать в качестве пропагандистской брошюры на немецком, английском и французском языках отчеты о процессе в том виде, как они были опубликованы русской правительственной печатью. Насколько мы могли установить, от отчетов, напечатанных в коммунистическом «Рундшау» (Импрекор), текст брошюры отличается лишь стилистическими поправками.

Так как теперь материал, поскольку советское правительство готово поделиться им, становится общедоступным, то является возможность приступить к окончательной оценке его.

«Нельзя без чувства глубокого возмущения читать телеграмму, которую официальные представители Социалистического Интернационала и Международного объединения профсоюзов Де-Брукер, Адлер, Ситрин и Шевенельс так поспешно отправили советскому правительству по поводу суда над террористическим троцкистско-зиновьевским центром».

Таковыми словами начинает Георгий Димитров, секретарь Коммунистического Интернационала, свою статью,

*) Перевод с рукописи.

изливающую целые потоки брани и клеветы на «реакционных лидеров», подписавших телеграмму советскому правительству. Тон Димитрова свидетельствует о замешательстве, в которое попадают все, пытающиеся приоткрыть содеянное в Москве злое дело, — замешательстве, тем более сильном, чем более осведомлен пишущий о тех сокрушительных последствиях, которые не могло не вызвать это дело в Западной Европе. Не было бы ничего легче, как побить Димитрова его собственным оружием и дать волю тому негодованию и возмущению, на которые мы имеем куда больше права, чем московские официозы. Но я за Димитровым не последую. Слишком серьезное время мы переживаем, чтобы заниматься словесным фехтованием и изливать свое возмущение в перебранке. Я хочу попытаться с полным спокойствием раз'яснить, какая проблема стоит перед нами, — проблема, важности которой не может преуменьшать никто, если не желать практиковать политику страуса по отношению к тем тяжелым последствиям, какие имел московский процесс для международного рабочего движения.

Я обращаюсь к Димитрову потому, что у него имеются некоторые предпосылки, позволяющие питать надежду, что он окажется несколько более восприимчивым к моим мыслям, чем другие московские сановники. Как и у меня, у Димитрова имеется личный опыт процесса, в котором дело шло о жизни и смерти. Так же, как мне перед лицом чрезвычайного суда, и ему в процессе о поджоге рейхстага представлялось само собою разуме-

как несомненное свое поражение. Быть может, и будут еще поставлены новые судьбища, ибо они уже публично обещаны были на процессе 16-ти и отказаться от них значило бы публично-же расписаться в поражении. Но можно с большою вероятностью предположить, что процессы эти уже не окончатся кровавой расправой — по крайней мере, с теми подсудимыми, которые, как «старые большевики», имеют некоторое международное имя. Сталин не постесняется, конечно, расстрелять «для престижа» еще десятки и сотни тех безвестных, которые нужны в московских процессах для «амальгамы». Но можно думать, что Сокольников и Серебряков, Радек и Пятаков будут обязаны сохранением своей жизни тому самому вмешательству международного пролетариата, за которое последние двое вылили столько упреков грязи на Социалистический и Профессиональный Интернационалы, как этому-же вмешательству, несомненно, обязаны своим освобождением от расправы Рыков и Бухарин. Довести истребление «старого большевизма» до конца Сталину не удастся. На этом «фронте» он уже вынужден к отступлению.

Можно, однако, учесть, как симптом неблагоприятных для Сталина результатов процесса и внутри страны, тот разгром, которому подверглась головка ГПУ. Вряд ли этот разгром не стоит в прямой связи с процессом и расстрелом. Не в первый раз Сталин сваливает на «головотяпство» верных исполнителей его приказов вину за гибельные последствия этих приказов. Ягода и его подручные приняли данное им Сталиным задание к «точному исполнению» и выполнили его с тем «совершенством», какое вообще возможно в таких разбойных делах: поторопились даже в ту же ночь расстрелять всех подсудимых, чтобы избавить диктатора от докучных просьб и приставаний о помиловании. Но результаты оказались как раз обратные тем, которых ожидали, — и тот-же Ягода отправляется в ссылку Наркомпочтеля, «освобожденного» от Рыкова и являющегося и для вче-

рашнего советского обер-палача, быть может, лишь первым этапом опалы...

Но если все заставляет думать, что поводом к разгрому верхушки ГПУ послужил процесс, то нельзя не видеть, что самый разгром этот дает Сталину возможность приступить к новым актам подготовки той борьбы за сохранение своего единодержавия, которая навязывается ему предстоящим введением новой конституции. Уволен не только Ягода, но и его ближайший помощник Прокофьев. И нет сомнения, что основательной чистке подвергнется весь аппарат «комиссариата государственной безопасности». В каком направлении — это показывает назначение Ежова, секретаря Организационного Бюро ЦК ВКП, преемником Ягоды.

Государственная полиция — это необходимейшая опора всякого диктатора. Но это в то же время и опаснейшая опора. Стягивая в своих руках все нити не только репрессии, но шпионажа и провокации, государственная полиция всюду, а особенно в диктаторских режимах, имеет тенденцию к превращению в самостоятельный организм. Поддерживая власть диктатора и охраняя его жизнь, она в то же время ставит его в зависимость от себя, получая возможность при случае угрожать этой, «охраняемой» ею, власти и жизни. С Фуше не мог никогда вполне справиться даже Наполеон. Как я имел случай не раз уже отмечать, Сталин, владея партийным аппаратом, давно стремится целиком овладеть аппаратом и советским, назначая на места наркомов «своих» людей. Теперь, на пороге новой и значительно усложненной борьбы за власть он делает в этом направлении решающий шаг, занимая своими ставленниками по ЦК «ключевую» позицию государственного аппарата — государственную полицию. Конечно, это — новое звено все той-же сказки про белого бычка: укрепившись в государственной полиции, зависимые сегодня от него клеветы так-же до известной степени эмансипируются от этой зависимости и поставят его самого в зависимость от себя, как и все их предшественники «на слаз-

ошимся, что свои убеждения надо отстаивать со всею страстью, без малейших уступок, до конца. Поэтому картина человеческого унижения и падения, так отвратительно демонстрированная подсудимыми московского процесса, должна вызывать в нем такие-же чувства, как во мне. Я питаю поэтому некоторую надежду, что, вопреки тому потоку несостоятельных обвинений, которые он извергает в униссон с хором всей московской правительственной прессы, Димитров все-же может понять решающее существо проблемы, хотя бы, в обстановке господствующего ныне в Москве психоза, он и не смел открыто признаться в этом. Но для меня важен не сегодняшний день — несчастье уже совершилось! — а создание предпосылок для будущего. А тут может внести свой вклад каждый, кто понимает, о чем в действительности идет речь.

Телеграмма, которую мы отправили 21 августа из Парижа, гласила:

«Москва, председателю Совета Народных Комиссаров. Мы сожалеем, что в момент, когда рабочий класс всего мира объединяется в чувстве солидарности с испанскими рабочими, защищающими свою демократическую республику, в Москве начинается большой политический процесс. Хотя обвиняемые по этому процессу против Зиновьева и товарищей были всегда ожесточенными врагами РСИ и МФПС, мы не можем не требовать, чтобы им были предоставлены все правовые гарантии и право выбрать защитников, абсолютно независимых от правительства. Мы требуем, чтобы не было смертных приговоров и чтобы ни в коем случае обвиняемые не были лишены права апелляции.

Де-Брукэр, пред. Раб. Соц. Интернационала.

Адлер, секр. Раб. Социал. Интернационала.

Ситрин, пред. Межд. Федер. Проф. Союзов.

Схевенельс, секр. Межд. Федер. Проф. Союзов.

Мы воспроизводим здесь текст нашей телеграммы, потому что достаточно прочесть его, чтобы рассыпались в прах все фантастические обвинения подписавших ее в какой-бы то ни было солидаризации с «союзниками фашизма, агентами Гестапо». Никто, сколько-нибудь знакомый с историей после-военного рабочего движения, не может заподозрить нас в особой, политической или личной, симпатии к Зиновьеву, Каменеву или Троцкому. Я никогда не был знаком лично ни с одним из 16 подсудимых, имена доброй дюжины из них стали мне впервые известны из обвинительного акта. К Зиновьеву я относился враждебно несколько раньше, чем Димитров. Я считал его главным виновником раскола рабочего класса еще тогда, когда для Димитрова было обязательно почитание его, как председателя Коммунистического Интернационала. Мы осуждали Зиновьева, когда он в 1920 году проводил на втором конгрессе Коммунистического Интернационала пресловутые «21 условия», а несколько месяцев спустя раскалывал в силу их в Галле Независимую Социалдемократию Германии. Мы осуждали Зиновьева, когда он, на том-же конгрессе Коминтерна, призывал к расколу международного профессионального движения, а, после того, как эта «добавочная атака» не удалась, на четвертом конгрессе Коминтерна в 1922 году принимал серьезную проблему единства рабочего класса до уровня тактически-интригантского маневра единого фронта. Мы разглядели в изобретателе маневра единого фронта «двурушника» на двенадцать лет раньше, чем в Москве ему было брошено в лицо это поистине подходящее слово.

А Троцкий? Тем личным отношениям, которые были у меня с ним до войны, он сам, еще в ноябре 1919 го-

ном посту», — пока этот пост будет давать занимающим его безграничную и бесконтрольную власть над свободой и жизнью всех граждан страны. Но на сегодняшний день это все-же акт, и весьма важный и существенный акт, в подготовке Сталина к борьбе за свою единоличную диктатуру.

Несомненно, последуют в этом направлении и другие акты, которые, несмотря на свое видимое противоречие тем методам, которые нашли такое яркое и такое отвратительное применение в процессе 16-ти, будут преследовать все ту же цель. Совершенно не исключена возможность, что именно теперь, накануне или непосредственно после введения новой конституции, опять наступит эра столь заклеянного ныне «гнилого либерализма», эра показного «народолюбия», эра суровой борьбы с «бюрократизмом» и «администрированием», эра «просвещенного абсолютизма». Такие методы будут, конечно, гораздо приемлемее метода гнусных процессов и кровавых расправ. Сторонники демократизации должны будут всячески поддерживать и пытаться закрепить и использовать все, что в них будет положительного. Они только не должны будут снова впадать в иллюзию, будто сталинская диктатура все-же вступает на путь добровольной самоликвидации, что вопрос о борьбе между тенденциями единоличной диктатуры и тенденциями демократизации снимается с порядка дня. Нет, эта борьба коренится в самых условиях развития революционного советского общества, и самый «либерализм» единоличной диктатуры, в своем причудливом сочетании с варварством кровавых расправ, не может быть в этих условиях ничем иным, как одним из методов подготовки этой диктатуры все к той-же борьбе за самосохранение. Дело демократизации было бы безнадежно проиграно, если бы ее сторонники забыли об этом, забыли о том, что задача их состоит не в том, чтобы пассивно ждать демократизации режима, как подарка сверху, а в том, чтобы тенденции единолич-

ной диктатуры заставить уступить тенденции демократизации.

Сталинская диктатура с завидной энергией готовится к той борьбе, плацдармом которой будет на ближайший период новая конституция. Надо, чтобы такую-же энергию проявила социалистическая демократия. Ничего не может быть хуже, как если она заранее признает себя побежденной на этом плацдарме, неспособной использовать те рычаги, которые он дает ей для борьбы. За эти рычаги, несомненно, ухватятся трудящиеся массы. Не может быть, чтобы рабочие массы, желающие улучшить нищенские условия своего существования, крестьяне, так упорно отстаивающие свои интересы в рамках колхозного хозяйства, не ухватились за те возможности борьбы — хотя бы за ту возможность тайным голосованием (и, быть может, в первую очередь не на центральных, а на низовых и местных выборах) выразить свою волю и свои настроения, какую сулит им новая конституция. Чем больше вся советская печать кричит об этой конституции, как о последнем слове свободы и демократии, тем больше сами, сверху внушаемые, и иллюзии будут побуждать трудящиеся массы схватиться за предлагаемое им оружие мирной, легальной борьбы за свои чаяния и требования и тем самым пытаться превратить его в рычаг неминуемой, а подлинной демократизации режима.

Только будущее может показать, удастся ли массам на этом мирном, легальном пути одержать победу, или же они, а вместе с ними и новая конституция, будут побеждены режимом единоличной диктатуры. Во всяком случае их победа будет тем вероятнее, чем более устойчиво, организованно и умело будут вести они свою «конституционную» борьбу. Из самого поражения своего, если оно окажется неизбежным, они выйдут совершенно иными и в смысле политического воспитания, и в смысле политической боеспособности, если это поражение будет результатом борьбы, а не бесславной сдачи без боя.

да, положил выразительный конец, сочтя нужным лично внести предложение о лишении меня звания почетного члена русского советского съезда. Мы никогда не были троцкистами: ни тогда, когда коммунисты всех стран обязаны были почтительно замарать перед верховным вождем Красной Армии, ни тогда, когда, спустя полгода после смерти Ленина, Сталин еще совместно с Троцким председательствовал на пятом конгрессе Коминтерна (1924 г.), и ни тогда, когда позже в борьбе за ленинское наследство Троцкий был предан анафеме. Подсудимые московского процесса и их предполагаемый вдохновитель Троцкий не были нашими друзьями, когда пребывали на вершинах власти в Советском Союзе, и не стали ими, когда перешли в оппозицию, стремясь сменить диктатуру Сталина своей собственной диктатурой. У нас не было ни малейших причин ожидать от возвращения Троцкого или Зиновьева к власти ускорения того развития Советского Союза к социалистической демократии, на которое мы надеемся. Всякая попытка объяснить нашу телеграмму какой-либо солидарностью с подсудимыми, симпатией к ним или просто какими-либо личными отношениями с ними есть чистейшая бессмыслица, способная ввести в заблуждение лишь круглых невежд. Проблема — не в обвиняемых, а в обвинителях, в методах политической юстиции Советского Союза.

Мы отнюдь не собираемся заводить «старую шарманку лицемерной гуманности» («Рундшау», с. 1546), которую с таким презрением третирует коммунистическая печать. Мы готовы открыто признать, что по сравнению с тысячами жертв мятежных генералов в Испании, с бесчисленными жертвами, которые имеет на своей сове-

сти гитлеровский фашизм, и даже по сравнению с гека- томбами прежних вспышек террора самой сталинской диктатуры — 16 расстреленных в Москве цифра сравнительно небольшая. Мы отнюдь не собираемся и поднимать принципиальной проблемы о смертной казни, как и проблемы террора и диктатуры, или ставить вопрос о том, действительно ли на девятнадцатом году большевистской диктатуры ее режим все еще не может держаться без массовых боен. Обо всех этих вопросах в этой связи мы говорить не хотим, а единственно о том, что Леон Блюм еще в 1931 году в серии уничтожающих статей в «Попюлэр» заклеил, как «позорный московский процесс». Ни его, ни многих других, протестовавших тогда, не послушали, и пять лет спустя прибегли к тем-же самым средствам отвратительной судебной расправы.

Не случайно, что наиболее энергично протестуют как раз социалисты, наиболее отчетливо сознающие необходимость сплочения всех пролетарских сил в великих классовых боях, которые несет с собою ближайшее будущее. Они готовы всеми силами защищать Советский Союз, но для них непереносно, что из-за такого рода процессов им приходится краснеть за Советский Союз. Такие процессы не должны более повторяться, — это должны наконец понять повелители Москвы. И именно потому, что так настоятельно необходимо заставить их понять это, мы хотим еще раз подробно и деловым образом остановиться на самом важном, хотя поистине впадаешь в бешенство при мысли, что приходится препираться с московским атавизмом тогда, когда все помыслы и чувства обращены к героическим защитникам испанской свободы.

Вот почему все, что есть сознательного и сколько-нибудь организованного в социалистической демократии Советского Союза, должно быть вместе с массами на этом новом этапе их борьбы за окончательные итоги революции, должно с последним напряжением сил пытаться внести в эту борьбу масс элементы сознательности, организованности, политической целесообразности. И вот почему в данный момент у социалистической демократии не может быть более важной и жизненной задачи, как с такою-же неослабной энергией и настойчивостью готовиться к борьбе на «конституционном» плацдарме за демократически - социалистические

тенденции развития советской революции, с какою Сталин борется за единолично - диктаторские тенденции ее.

Может быть, в этой борьбе социалистическая демократия потерпит поражение: она потерпит его в этом случае вместе с массами и в самом поражении интимно свяжется с ними. Может быть, поражение это поставит перед нею новые задачи: довлеет дневи злоба его, а на нынешний день никакой другой более важной задачи у социалистической демократии нет и быть не может.

Ф. Дан.

Кооперация в советской деревне

В первые годы постепенного восстановления торговли, товарооборот в деревне значительно отставал от темпа роста торговли в городе.

В 1933 году товарооборот в городе увеличился за год на 26,4%, а в деревне на 16,3%. В 1934 году отставание деревни выявилось еще ярче — оборот города возрос на 35%, а деревни лишь на 14%.

Объяснялось это рядом причин, из которых основными были: низкая покупательная способность деревни, из-за изъятия из нее значительной части крестьянского дохода, пренебрежение государственного и кооперативного торгового аппарата к нуждам деревни, куда недостаточные товары направлялись в ничтожных размерах, неудовлетворяющих даже пониженный деревенский спрос.

Изменение политики советской власти в отношении крестьянства, разрешение продажи «излишков», допущение усадьбного хозяйства и подсобных промыслов, общее возрастание доходов крестьянства в связи с укреплением коллективизации, постепенно создали предпосылки для более быстрого роста товарооборота

в деревне. Значительное повышение производства товаров, рассчитанных на широкий рынок — действовало в этом же направлении. Но бюрократический, неумелый и некультурный аппарат госторговли и кооперации совершенно не справлялся с ростом потребностей деревни.

В конце сентября прошлого года Совнарком решил радикально реорганизовать торговую сеть деревни.

Задача обслуживания деревни промышленными и продовольственными продуктами была возложена на потребительскую кооперацию. Было решено, что колхозную деревню, всего лучше обслужит потребительская кооперация, связанная с местным населением и лучше знающая его нужды. Для того, чтобы вернуть деревенской кооперации долгие годы тщательного вытравляемые у нея свободную выборность, общественность и самостоятельность, Сталин и Молотов произнесли очередные «исторические» речи о том, что отныне в деревне должна быть создана подлинная, демократическая кооперация.

На кооперацию была возложена почтенная задача

Я признаю себя повинным в «либеральном предрассудке», что процессы ведьм, имевшие место на протяжении почти трех столетий, принадлежат к числу самых вопиющих и темных деяний в истории человечества. За это время перед судом были торжественно следаны тысячи «сознаний», которыми подсудимые клятвенно заверяли, что имели сношения лично с дьяволом, заключали с ним договоры и на основании этих договоров творили всевозможное колдовство. Тысячи гибли на кострах на основании «сознания», что своими чарами они вызывали заболевания людей и скота, неурожай, градобития и всевозможные другие бедствия. В особой булле («Суммис дезидерантис») папа Иннокентий VIII-ой засвидетельствовал в 1484 году, что колдовство действительно существует, и два инквизитора опубликовали пресловутый «Молот против колдовства», преподавший судам методы изобличения ведьм и колдунов. Как преступление против религии, колдовство приравнивалось к еретичеству, за него полагались те же наказания и к нему применялась та же инквизиционная судебная процедура, которая ставила себе задачей добиться во что бы то ни стало сознания. Известен самый знаменитый образчик успеха такой процедуры: уже на четвертом «допросе» великий Галилей оказался достаточно обработанным, чтобы предстать перед гласным судом римской инквизиции, состоявшимся на следующий день после этого допроса. Тут он в присутствии кардиналов и прелатов святой инквизиции прочел и подписал сознание в своих грехах, в котором говорится:

«... с искренним сердцем и нелицемерною верою отрекаюсь, клеймлю и проклинаю означенные заблуждения и ереси» ... «а именно то, что я считал правильным и верил, что солнце является центром вселенной и неподвижно, а земля не является центром вселенной и движется».

Это было в 1633 году, в веке, который начался сожжением еретика Джордано Бруно и ознаменован наибольшим количеством костров для ведьм. Существует целая литература по вопросу о том, подвергла ли инквизиция Галилея физическим пыткам или ограничилась пыткой психической. Последнее представляется более вероятным. Страх перед физическими пытками и страх перед насильственной смертью на костре оказалось, повидимому, достаточным, чтобы сломить Галилея, довести его до «сознания» в своих грехах. Последнее публичное сожжение ведьмы в Германии имело место в 1729 году, когда была заживо сожжена в Вюрцбурге настоятельница Унтерцелльского монастыря, сознавшаяся в сношениях с дьяволом. Но смертные приговоры за ведьмовство приводились в исполнение еще в течение целого полувека — в последний раз еще в 1782 году в Гларусе (Швейцария) над одной служанкой, и лишь в 1834 году, т. е. всего каких-нибудь 100 лет тому назад, инквизиция была окончательно упразднена в ее последнем убежище, Испании.

И вот, мы видим потрясающий факт, что последнее десятилетие принесло с собою тяжкие рецидивы методов, применявшихся инквизиционными судами.

В режимах фашистского варварства физические пытки

поднять всех колхозников «до уровня людей, пользующихся обилием продуктов и ведущих вполне культурную жизнь». С тех пор прошел год и своевременно подвести некоторые итоги. Отчетные данные Центросоюза, опубликованные в докладе председателя И. Зеленского («Правда», 29 сентября 36 г. и «Советская Торговля», № 6), показывают, что некоторый перелом несомненно произошел.

Раньше всего снабжение деревни улучшилось количественно.оборот деревни превысил за 8 месяцев 1936 года плановые предположения и уже достиг 18 миллиардов руб. Рост товарооборота деревни по темпу стал значительно выше роста товарооборота в городе: за 8 месяцев 1936 года торговля в городе возросла на 24%, а в деревне на 54,5%.

В какой непосредственной зависимости находится рост товарности деревни от количества излишков, которые крестьяне могут сбывать в порядке свободной продажи, а не обязательной сдачи по твердым ценам, показывает неравномерность роста товарности по районам страны. Он значительно выше в районах, производящих технические культуры или там, где на усадьбах ведется интенсивное хозяйство, и он меньше в районах зернового хозяйства: напр., в Саратовском крае товарооборот возрос на 18%, в Татарии на 35%, в Московской области на 178%, в Туркмении — на 220%, в Узбекистане — на 250%.

В этом росте темпа выявляется подъем благосостояния деревни, рост ее потребностей.

Но можно ли говорить об осуществленной зажиточности деревни, об уже достигнутом благосостоянии среднего рядового крестьянина-колхозника, а не отдельных одиночек-ударников? Средние цифры оборота, приходящегося на отдельного жителя деревни, дают недвусмысленный ответ на этот вопрос.

Раньше всего, несмотря на более быстрый в 1936 году рост товарооборота деревни по сравнению с городом, абсолютные цифры торговли, приходящийся на

душу населения в деревне и в городе, еще очень различны: в то время, как городской житель покупает в год товаров на 1570 рублей, сельский лишь на 205 рублей.

Эту пропасть еще не засыпали даже столь обильные в советской печати статьи на тему об уравнивании уровня жизни советского колхозника и городского жителя. Натуральный характер хозяйства и небольшие денежные заработки характерны еще и для советской деревни.

Интересно отметить, что покупки на душу населения в различных районах существенно отличаются, напр., в Московской области и в Туркменистане они в 2 и в 2½ раза выше, чем в Саратовском или Кировском краях.

Зеленский с удовлетворением отмечает, что в 1-ом квартале 1936 года нормы душевого потребления на селе сахара возросли на 345%, кондитерских изделий на 260%, хозяйственного мыла на 137%, зубного порошка на 500% по сравнению с 1-ым кварталом 1935 года.

Эти цифры, если они верны, несомненно показывают быстрый рост потребления деревни. Но, когда советская печать по этому случаю бьет в литавры и говорит о достигнутом благосостоянии и «примере для оскудевающей Европы», то следует установить действительное значение достигнутых позиций.

В первые три месяца 1936 года, несмотря на гигантский рост, на душу сельского населения приходится всего по 800 гр. сахара — на все три месяца, — по 230 грам. кондитерских изделий, по 8 гр. мыла и по одной коробке зубного порошка на каждые 40 человек.

В то время, как в Германии и во Франции в 1935 г. сельский житель потребляет в год 35-43 кг. мяса, в СССР потребление не превышает 2,7 кг. Маsla в Германии сельский житель потребляет в год свыше 6 кг., в СССР животного и растительного совместно не свыше 1 кг. в год. Еще более печально обстоит дело с промышленными изделиями: напр., в Германии

ки стали повседневным явлением. Зверства, творящиеся в гитлеровских концентрационных лагерях и казармах штурмовиков общеизвестны. Смертные приговоры выносятся в Гитлеровской Германии на основании вынуждаемых пытками лжи и вых «сознаний». И в Испании, этой стране, где инквизиция держалась наиболее долго, она снова пережила возрождение: побежденные в октябре 1934 года социалисты подвергались в тюрьмах страшным пыткам.

Но еще поразительнее тот парадоксальный факт, что русская революция, столько сделавшая для борьбы с суеверием, вернулась в эпоху Сталина к методам колдовских процессов. Еще 5 лет тому назад брошюра, изданная секретариатом Рабочего Социалистического Интернационала и, увы, приобретающая теперь снова актуальность*), констатировала:

«Вот характерная черта всех больших процессов, инсценированных Крыленко, начиная с Шахтинского: в них нет никаких документов и материальных доказательств. Все доказательства основываются лишь на «добровольном сознании и самообличениях «раскаявшихся подсудимых» и ни одно из письменных материалов... «Орудуют лишь гарантированно-подлинными «искренними признаниями», по какой-то «предустановленной гармонии» всегда точечонько соответствующими последним директивам Политбюро коммунистической партии».

Внешняя картина всегда одна и та же. Обвинительный акт, регистрирующий «признания» подсудимых на

предварительном следствии, воспроизводится в публичном заседании, где они наново излагают свои «признания». Только режиссерское распределение ролей меняется. Вышинский всегда налицо, но в процессах до 1931 года, играя роль якобы объективного «председателя суда», он не так выступает на первый план, как в процессах после 1931 года, когда он перенимает у Крыленко роль прокурора, выводящего на сцену гласного суда выдрессированных обвиняемых. Но самая важная роль — дрессировка подсудимых на предварительном следствии, протекающая за кулисами, находится в руках ГПУ. Ее всемогущий шеф Ягода — внезапно впавший теперь, после процесса, в немилость и сплывший на невлиятельный пост министра почты — и его помощник Яков Агранов считаются главными мастерами большевистского «Молота против колдовства».

Процесс против Зиновьева, Каменева и др., состоявшийся в августе 1936 г., является пока последним из четырех процессов в связи с убийством ленинградского секретаря партии Кирова (1 декабря 1934). Но еще до этого имели место следующие четыре процесса, имеющие для понимания практикуемой в Советском Союзе системы политической юстиции весьма большое значение, так как они проводились с шумной «публичностью», с такими же пропагандистскими целями и такими же методами, как и последний процесс:

1. В июне 1928 г. на скамье подсудимых сидело 53 человека, в большинстве своем инженеры и техники Шахтинского района Донецкого угольного бассейна, по обвинению в «экономической контр-революции». Они образовали будто бы «контр-революционную организацию в угольной промышленности Совет-

*) «Московский процесс и Рабочий Социалистический Интернационал», изд. Секретариатом РСИ со статьями Ф. Адлера, Р. Абрамовича, Леона Блюма и Эмиля Вандервельде. Берлин, 1931.

на человека производится по 2 пары ботинок в год, во Франции по 3 пары (включено и производство на вывоз), а в СССР производится по неполной одной паре на двух человек.

За истекший год потребительская кооперация в деревне подверглась значительной реорганизации. Из 125 тысяч лавок и магазинов оставлено лишь около 100 тысяч наиболее приспособленных для торговли помещений. Все лавки с оборотом до 3 тыс. в год были закрыты. Одновременно в крупных сельских центрах открыты 4,5 тысячи так называемых универмагов, задача которых в одном торговом центре обслуживать все потребительские нужды сельского населения.

Произведенная реформа уменьшила убыточность сельских лавок. В настоящее время до 90% всех лавок дают доход. Но уменьшение торговых точек осложнило населению приобретение товаров. В ряде мест универмаги пытаются приблизиться к потребителю путем развозки товаров на автомобилях-лавках, путем устройства летучих палаток в период полевых работ, путем даже рассылки разносчиков-коробейников, но в большинстве случаев кооперативные лавки обслуживают громадный район — до 12 кл. в радиусе — и с своими задачами справляются плохо.

Основной недостаток так называемых кооперативных лавок, это недостаточный и несоответствующий спросу ассортимент товаров. Так как в лавках в большинстве случаев сидит неопытный и малокультурный персонал, то интересы населения часто игнорируются и по неумению и по незаинтересованности. Руководители кооперации решили, что следует заинтересовать персонал и поставили оплату служащих в зависимость от оборота. В результате, из доклада Инспекции Наркомвнуторга, выяснилось, что около 15-25% лавок нерегулярно торгуют такими необходимейшими, но мало доходными продуктами потребления, как соль, сахар, керосин, мыло, спички, иголки, нитки, табак и т. д., а предпочитает торговать крупными штучными промышленными изделиями, которые дают более дохода и требуют меньше работы по хранению и отпуску.

Руководители Центросоюза, признавая все отрицательные моменты современной кооперативной торговли, объясняют их либо «пережитками механического распределения», либо «неизжитой торгашеской психикой торговых служащих».

Второе объяснение явно притянута за уши. Несомненно, торгашеская психика лавочника, а в частности и деревенского, имеет много отрицательных сторон, от которых должна быть свободна кооперация, но небрежности к интересам своих потребителей, лености в приобретении товара и в сбыте его, незнания нужд своих клиентов типичный лавочник никогда не проявлял.

Но «пережитками карточного распределения», бюрократизмом современная кооперация несомненно страдает. И исправить этот основной недостаток может только возрождение настоящей самостоятельной кооперации.

Мы уже писали выше, что сам Сталин призвал к этой самостоятельности.

Выборная кампания во все кооперативные учреждения протекала в этом году гораздо более активно, чем в прошлые годы. Во всей кооперативной сельской сети было проведено свыше 200 тысяч собраний, на которых присутствовало около 17 миллионов человек. Конечно, заслуженной оценки советская кооперация на этих собраниях не получила, истинные виновники удушения старой, поколениями создаваемой кооперации не были обличены, но все же на всех собраниях была проведена очень энергичная критика работы кооперативного аппарата, при чем ораторы были весьма решительны в своих выводах: нужно выгнать жуликов и бюрократов.

В результате 35% сельпо и 45% райсоюзов получили от своих избирателей недоверие. Одна треть председателей правлений была забаллотирована. Ревизионные комиссии были обновлены почти полностью.

«Были случаи, — меланхолически сообщает «Советская Торговля», — когда «не только кандидатуры рай-

ского Союза» с «Харьковским центром» и «Московским центром». Было вынесено 11 смертных приговоров, 5 из которых приведено в исполнение, и дано в общей сложности более 130 лет тюрьмы.

2. В ноябре и декабре 1930 г. обвинялись во «вредительстве» 8 крупных хозяйственников с профессором Рамзиным во главе. Они образовали будто бы «Союз инженерских организаций», который обозначался обвинением, как «промышленная партия». Было вынесено 5 смертных приговоров, другие получили по 10 лет тюрьмы. Смертные приговоры были, в порядке помилования, заменены тюремным заключением.

3. В марте 1931 года состоялся так называемый «меньшевистский процесс». На скамье подсудимых сидело 14 человек; они обвинялись в образовании «Союзного Бюро» и были осуждены в общей сложности на 53 года тюрьмы.

4. В апреле 1933 года состоялся «процесс против вредителей и шпионов в энергетическом хозяйстве Советского Союза» 11 обвиняемых были советские граждане, 6 англичан. Они организовали будто бы «Вредительское и шпионское бюро». Советские обвиняемые были присуждены в общей сложности к 65 годам тюремного заключения, англичане получили 5 лет.

Один из этих процессов, процесс против «меньшевистского Союзного Бюро», мне пришлось в 1931 году изучить подробно, и из ознакомления с ним я вынес абсолютную уверенность, что московские политические прокуроры планомерно и сознательно вымогают у обвиняемых лживые признания. О других процессах я высказывать своего суждения не хочу. Может быть, в них были признания, и соответствующ-

щие действительности. Но, что касается меньшевистского процесса, то тут факт лживых признаний не подлежит ни малейшему сомнению. В этом процессе в центре «доказательств» стояла мнимая поездка в Россию т. Абрамовича. Подсудимые давали детальные «показания» о подробностях своих свиданий и разговоров с Абрамовичем летом 1928 года в России, но для меня абсолютно неопровержимо, что все эти показания были недобросовестны. Мы доказали это пункт за пунктом в нашей брошюре, наиболее наглядно — фотографией, на которой Абрамович фигурирует наряду с другими делегатами Брюссельского Международного Социалистического Конгресса как раз в то время, когда он, согласно «показаниям», был якобы в России. Упущение из виду этого конгресса было одним из тех «промахов режиссуры», которые неизменно случаются, несмотря на мастерскую подготовку московских процессов. В нашей брошюре о московском процессе 1931 г. мы пришли к следующему заключению:

«Относительно «фактического материала», как он изображается в «приговоре», увенчавшем судебную комедию, можно установить лишь одно: и в целом, и в отдельных частностях он является ничем иным, как **сплошным вымыслом**... «Приходится констатировать, что **ни один** политически сущест-венный пункт московского лже-процесса не выдерживает испытания критики».

Неопровержимый опыт процесса 1931 года, естественно, должен был тотчас же вызвать у нас сильнейшее недоверие, лишь только русское телеграфное агентство сообщило, что снова инсценируется большой процесс, на этот раз против Зиновьева, Каменева и др. Димитров решает говорить о том, что мы «с такой по-

потребсоюза, но даже райкомов партии пайщиками проваливались».

Довольно часто проваливали и коммунистов!

В Липовском селу Курской области секретарь РК ВКП выдвинул в председатели правления кандидатуру коммуниста Головина, собрание тайным голосованием выбрало беспартийного Мойсеева. Тоже самое произошло и в Воронежской области, в Крыму, Татарии, Туркмени, в Горьковском крае.

Интересно отметить, что % коммунистов среди работников селу вообще низок — 2,3%.

Конечно, в результате выборной кампании этого года свободная кооперация не родилась. Не бюрократической опекой со стороны диктатуры, хотя бы и доброжелательной, не сменяющимися то укорачиванием, то удлинением цепи, на которой власть держит кооперацию, можно создать действительную кооперацию. Но насущные интересы миллионных масс потребителей подсказали им необходимость перейти от апатии к активности,

лишь только для этого создавалась хоть малейшая возможность.

Их самодеятельность пока что выразилась, главным образом, в снятии с постов наиболее ненавистных жуликов и головотяпов и в выборе более подходящих людей.

Но особенно трудны первые шаги самодеятельности. Предстоящая в стране выборная кампания в советы на началах демократического избирательного закона, побудит и пайщиков кооперации взять под постоянный действительный и бдительный контроль своих выборных в правлениях селу и райсоюзов.

Добросовестное и своевременное удовлетворение нужд сельского потребителя может осуществить лишь свободная от государственного вмешательства самодеятельная, свободно выбираемая и общественно контролируемая, кооперация.

А. Югов.

Годовщина стахановского движения

Еще весной текущего года был дан лозунг — энергично готовиться к годовщине стахановского движения и достойно встретить 31-ое августа исключительно высокими производственными показателями. В первой половине лета советская печать уделяла предстоящей годовщине много внимания. Но затем настроение в редакциях явно начало падать, о стахановской годовщине начали вспоминать все реже и говорить все сдержаннее, а самая годовщина проведена была и вовсе тихо, без широкой «кампании», без проявлений «массового энтузиазма», техника организации которых у нас доведена, как известно, до исключительного совершенства. Официальная печать откликнулась, конечно, на стахановскую годовщину полу-торжественными статьями, но на них

явно лежала печать какой-то неудовлетворенности, почти растерянности. Стахановское движение явно не оправдало возлагавшихся на него надежд.

Текущие данные производственной статистики говорят, правда, о значительном расширении производства, но этот рост производства результат не столько стахановского движения, сколько того индустриального развития, которое началось еще задолго до стахановского движения. Гигантские и из года в год нарастающие капиталовложения, составляющие основную черту советской индустриальной политики в годы первой и второй пятилеток, громадный и быстрый рост промышленного основного капитала приводят к громадному, росту производства. Стахановское движение долж-

спешностью» отправили свою телеграмму советскому правительству. Чтобы вполне оценить этот упрек, надо иметь в виду следующие факты. Обвинительный акт помечен 14 августа. Суд должен был начаться 19 августа, через 5 дней. Приговор был вынесен в ночь с 23 на 24 августа, а 25 августа телеграфное агентство сообщило, что он уже приведен в исполнение. Мы послали нашу телеграмму 21 августа, поистине не слишком рано, а слишком поздно. Но никто не подозревал тогда, что уже через четыре дня все 16 обвиняемых будут расстреляны. С «попешностью» действовало лишь советское правительство, превратившее процесс в внезапное нападение из-за угла — на обвиняемых и на мировое общественное мнение.

На основании опыта 1931 года мы имели право и обязанность тотчас же потребовать для обвиняемых всех правовых гарантий. Для суждения о самом процессе мы, правда, хотели выждать появления подробных отчетов. Эти подробные отчеты появились. Брошюра советского Народного Комиссариата Юстиции имеет 185 страниц. Но, несмотря на относительно большой объем, отчеты эти, к сожалению, далеко не дают стенографического протокола и оставляют широкое поле для всяких сомнений. Хуже всего обстоит дело с заключительными речами. Заключительная речь прокурора Вышинского, длившаяся свыше четырех часов, приводится дословно на 49 страницах. Для всех-же вместе последних слов обвиняемых, занявших целиком три заседания суда и, как указывается, длившихся 14 часов, отведено всего каких-нибудь 10 страниц; а между тем понадобилось бы в семнадцать раз больше места, если бы последние слова обвиняемых были даны с такою же

полнотою, как заключительная речь прокурора. Таким образом мы лишены важного материала, который, быть может, позволил бы прийти к дальнейшим важным заключениям касательно соответствия «сознаний» подсудимых действительности. Так, из последнего слова обвиняемого Гольцмана мы узнаем всего на всего следующие три строчки:

«Здесь на скамье подсудимых вместе со мною сидит компания убийц, не только убийц, а фашистских убийц. Я не прошу никакой пощады».

А между тем было бы важно узнать кое-что из заключительного слова Гольцмана, потому что как раз в его в высшей степени важном «признании» имеется один из тех «промахов режиссуры», которые могут быть неопровержимо доказаны. Гольцман — в высшей степени важный обвиняемый. В обвинительном акте и в отчете о его допросе говорится:

«В 1932 году он получил лично от Л. Троцкого директиву о подготовке террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства».

На допросе Гольцман рассказывал, как он встретился с Седовым, сыном Троцкого, и как тот свел его в Копенгагене с Л. Троцким для разговора, в котором Троцкий «прямо сказал, что основной задачей сейчас (это значит, осенью 1932 г.) является убийство товарища Сталина». В этом решающем «сознании» Гольцмана говорится дословно:

«Я условился с Седовым, что через два-три дня я приеду

но было ускорить темпы расширения производства, и в первые месяцы стахановского движения в ряде отраслей производства резкое нарастание темпов расширения производства действительно наблюдалось. Но уже с начала 1936 года в угольной промышленности, явившейся колыбелью стахановского движения, началось попятное развитие, а с весны неблагоприятные признаки начали все чаще обнаруживаться и в других отраслях промышленности.

«За Индустриализацию» опубликовала недавно (5-го августа) сравнительные данные о размерах производства различных отраслей тяжелой промышленности в июле 1933, 1934, 1935 и 1936 гг. Таблица свидетельствует о непрерывном и громадном росте производства. Но если перечислить приведенные в ней абсолютные данные в относительные, позволяющие судить о темпе развития, — а для оценки результатов стахановского движения такие именно данные имеют решающее значение —, картина получается иная:

Производство в июле в %
к июлю предыдущего года

	1934	1935	1936
Уголь	122,6	114,4	109,1
Нефть	121,7	104,3	109,8
Кокс	140,6	115,1	111,4
Чугун	137,1	120,5	109,9
Сталь	133,5	133,9	123,2
Прокат	129,0	139,3	120,2
Черновая медь	137,0	142,6	104,8
Серная кислота	102,1	105,6	125,1
Грузовые автомобили	133,6	151,4	129,4

Темп развития очень значителен, но о его ускорении и даже о его сохранении на достигнутом уровне нет и речи. Господствующая черта развития, напротив, — заметное замедление темпа развертывания большей части отраслей промышленности. Правда, на определенном уровне развития замедление роста производства является неизбежным, и можно было бы предположить, что без стахановского движения замедление темпа развер-

тывания производства было бы еще значительнее. Но это едва ли доказуемо, тем более при продолжающемся быстром расширении основного капитала. И против этого предположения говорит и тот факт, что второй пятилетний план, при составлении которого о стахановском движении еще никто, конечно, не думал, предусматривал для 1936 года по большинству отраслей промышленности ускорение роста производства по сравнению с 1935 годом.

Правда, данные за июль в этом году особенно неблагоприятны, так как этим летом вновь возродилась в промышленности почти изжитая было болезнь «сезонность». Но ведь и рецидив «сезонности» это не случайность, а симптом нарушения нормального и здорового развития производства. В ближайшие месяцы влияние «сезонности» будет, конечно, изжито, и сравнительные показатели по отраслям промышленности за год в целом будут, конечно, лучше, чем по июльским данным, но о нарастании темпа расширения производства (по сравнению с 1934 и 1935 гг.) для огромного большинства отраслей промышленности не может быть, повидимому, и речи.

Если бы речь шла только о замедлении темпа расширения промышленности, с этим еще можно было бы легко примириться. Но, как уже упомянуто, в ряде отраслей промышленности наблюдаются с некоторого времени — несмотря на продолжающуюся усиление механизации производства и увеличение энерговооруженности рабочих — признаки попятного движения. Это не может не вызывать тревогу. Особенно неблагоприятно развитие в угольной промышленности, в которой прежде всего должно было сказаться влияние стахановского движения. В первые месяцы стахановского движения подъем производства действительно принял в угольной промышленности прямо бурный характер. Но очень скоро произошел срыв. Это особенно наглядно может быть иллюстрировано помесечными

в Копенгаген, остановлюсь в гостинице «Бристоль», и мы там встретимся. Прямо с вокзала я пошел в гостиницу и в фойе встретился с Седовым. Около десяти часов утра мы приехали к Троцкому»...

Эта гостиница «Бристоль», в которой Гольцман по его показаниям встретился с сыном Троцкого в 1932 году, действительно значится в до-военном датском Бэдеке-ре на первом месте среди копенгагенских отелей. В путеводителях после-военного времени ее уже нет, — потому что в 1917 году она была снесена и с тех пор отстроена не была.

Это маленькое обстоятельство, не оставляющее никаких сомнений насчет правдивости «сознания», было установлено уже после того, как лишенный возможности предстать перед апелляционной инстанцией Гольцман был расстрелян...

Но этим заведомо лживые «признания» Гольцмана не исчерпываются: Седов, сын Троцкого, которого Гольцман будто бы встретил «в фойе» отеля «Бристоль» и который отвез его в Копенгаген в квартиру Троцкого, имеет возможность неопровержимо доказать, что не был в Копенгагене во время пребывания там Троцкого, и даже более того — Седов вообще никогда в жизни не был в Копенгагене!

Из несуществующего отеля «Бристоль» никогда не бывший в Копенгагене Седов повез Гольцмана к Троцкому! Таковы — «факты», доказывающие, что «Троцкий» лично дал директиву о подготовке террористических актов!

Имеется еще целый ряд установленных фактов, доказывающих, что и в этом процессе от обвиняемых вымо-

гались лживые признания. Так, имеются доказательства, что показания обвиняемого Валентина Ольберга в весьма существенных пунктах находятся в противоречии с фактами. Но незачем заниматься здесь анализом всех частностей. Не подлежит никакому сомнению, что и данный процесс построен на вынужденных лживых «признаниях», что и в нем применялись те же методы, что в меньшевистском процессе 1931 года.

Во всех больших и сенсационных политических процессах особо домогался прокурор получить от подсудимых сознание в существовании особой организации. Можно сильнее всего сомневаться, существовали ли в действительности хоть один из тех организационных центров, о которых так много разглашались на процессах. Относительно одного, так называемого меньшевистского Союзного Бюро, никаких сомнений быть не может: мы знаем, что оно не существовало. Но из всех обвинительных актов видно, как необходима фикция «организации» для стряпанья «амальгамы», чтобы соединять в одном деле людей, между которыми иначе невозможно установить никакой связи. Мы подробно осветили эту систему в нашей брошюре 1931 года. Тогда для ГПУ было важно установить связь Рабочего Социалистического Интернационала с мифическим «Союзным Бюро». Изучая же отчеты о процессе 1936 г., мы видим, что цель всех неправдоподобных построений и «признаний» заключается в вовлечении Троцкого в сферу обвинения. Для прокурора важными были и вымогал он от подсудимых показания, которые делали бы вероятной эту связь. Но, чем больше изучаешь отчеты с этой точки зрения, тем более усиливается впечатление, что мы имеем здесь дело с со-

данными о развитии угледобычи в Донбассе (средняя дневная добыча в тысячах тонн):

Август	1935 г.	177,1
Сентябрь	«	178,2
Октябрь	«	195,7
Ноябрь	«	207,3
Декабрь	«	230,5
Январь	1936 г.	222,6
Февраль	«	220,2
Март	«	210,0
Апрель	«	208,2
Май	«	201,3
Июнь	«	196,6
Июль	«	189,6
Август	«	197,7

Октябрь 1935 г. был первым месяцем, в котором угледобыча под несомненным влиянием стахановского движения начала заметно расти. До декабря продолжался быстрый рост, но с января угледобыча пошла вниз и опустилась в июле ниже октябрьского уровня прошлого года. Лишь в августе, в связи с огромными усилиями поднять угледобычу к стахановской годовщине, начался новый, пока скромный подъем. Но и в августе едва удалось подняться над уровнем октября прошлого года.

Гораздо лучше сложилось положение в черной металлургии. Здесь задолго до стахановского движения началась серьезная рационализаторская работа, ориентирующаяся — в отличие от стахановщины — на улучшение работы предприятия в целом и отсюда на улучшение работы каждого отдельного рабочего. Руководители черной металлургии стремились ввести стахановское движение в русло этой рационализаторской работы и стахановское движение было здесь поэтому в значительной мере свободно от тех полу-анархических черт, которые характерны для него в большинстве отраслей промышленности. Но даже и здесь не обошлось без реакции, и начиная с весны положение в черной металлургии заметно ухудшилось. Так необходимый для

производства 1 тонны чугуна в сутки объем доменной печи (т. н. коэффициент использования полезного объема доменных печей) понизился с 1,23 кв. м. в среднем за 1935 г. до 1,04 кв. м. в апреле 1936 г., но затем вновь начал подниматься и достиг в июле 1,13 кв. м. Одновременно ухудшение произошло и в производстве стали: с кв. м. площади пода (в сутки) достигал в среднем за 1935 г. 3,33 тонн, поднялся к апрелю 1936 года до 4,13 т. и затем вновь упал к июлю до 3,76 т. («За Индустриализацию» от 14-го августа). В обоих случаях достигнутый к апрелю успех (по сравнению со средними данными за 1935 г.) в течение дальнейших трех месяцев был более чем на треть утрачен. Правда, при значительно лучшем состоянии внутренней организации черной металлургии (по сравнению с каменноугольной промышленностью) можно рассчитывать, что потери эти скоро будут восстановлены.

Аналогичные данные можно было бы привести и по ряду других отраслей промышленности. По недостатку места от этого приходится отказаться. Основной вывод из приведенных выше фактов и без того не вызывает сомнений: производственные итоги стахановского движения не оправдали возлагавшихся на него розовых надежд.

Причины этой неудачи станут понятны, если ближе присмотреться к внутренней жизни промышленных предприятий под знаком стахановского движения. Почти повсеместный значительный подъем производства в первые месяцы стахановского движения, оплаченный крайним напряжением трудовой энергии всего рабочего, технического и административного персонала, явился, как известно, основанием для повышения норм выработки во всех отраслях промышленности. Это было сделано в первые месяцы 1936 г. При повышении норм подчеркивалось, что повышение это должно сопровождаться принятием ряда организационных и технических мероприятий, обеспечивающих выполнение повышенных норм выработки без повышения трудовых за-

вершенно несостоятельным вымыслом. Все говорит за то, что «объединенный троцкистско-зиновьевский террористический центр» так же не существовал в действительности, как не существовало «меньшевистское Союзное Бюро» 1931 года.

Патетически восклицает Димитров:

«Разве не доказано, что Троцкий, которого реакционные социалистические лидеры в свое время подымали на щит, является организатором индивидуального террора в Советском Союзе? Доказано».

И в самом деле «доказано», доказано «категорическими признаниями самих подсудимых», как виртуозно разъясняет Димитров. И все эти «доказательства» имеют такую-же колоссальную убедительность, как и признание о свидании в копенгагенской гостинице «Бристоль», откуда «агент связи» поехал будто бы к Л. Троцкому.

Быть может, среди обвиняемых и были отдельные лица, действительно носившиеся с мыслями о терроре. Из отчета о процессе нельзя вывести твердого заключения ни в ту, ни в другую сторону. Но то и ужасно в этом процессе, что заключительные слова прокурора Вышинского: «Взбесившихся собак я требую расстрелять — всех до одного!» — претворились в дело, хотя ничего не было сделано, чтобы выяснить истину, хотя был закрыт путь для пересмотра дела во второй инстанции, хотя лживость целого ряда решающих «признаний» не подлежит сомнению, — причем не воспользовались даже 72-часовым сроком для раздумья, а расстреляли подсудимых в первую же ночь после приговора. Такая спешка не может быть объяснена каким-либо

особо критическим положением режима, она объясняется только нечистой совестью тех, кто орудует в Советском Союзе «Молотом против колдовства». ГПУ хотело возможно скорее обезопасить себя от своих жертв.

В своей телеграмме мы требовали для обвиняемых права «выбрать защитников, а если они не захотят от правительства». Московские официозы обрушились негодованием на это требование. Димитров находит его «смешным и жалким», потому что, говорит он, обвиняемым «было предоставлено право избрать защитников... Но они отказались от защиты». Но для обоснования необходимости иностранных защитников в процессе перед судом диктаторского государства, как и для обоснования отвода защитников, зависящих от диктаторского правительства, мы можем сослаться на хорошего свидетеля, сказавшего все, что по этому вопросу нужно сказать: этот свидетель — сам Георгий Димитров. Свое последнее слово в процессе о полжогей рейхстага он начал следующим заявлением, которое мы берем из коммунистического «Рундшау» от 21 декабря 1933 года:

«Если бы мне позволили выбрать защитника по своему усмотрению, было бы иначе. Я предложил Моро-Джиафери, Торреса, Кампэки, Вийра, Григорова и еще четырех других адвокатов. Все были отведены. Как коммунист, я хотел бы подчеркнуть, что, не делая моему официальному защитнику, доктору Тейхерту, никаких личных упреков, я все же не могу согласиться с его методами защиты. Современное политическое положение Германии не дает мне возможности питать к нему доверие, как к моему защитнику, так как для такой защиты он не обладает необходимою независимостью. Поэтому я пытался до сих пор сам себя защищать. Сегодня в последний раз предлагаю допустить в качестве дополнительного защитника адвоката, прибывшего с моей сестрой из

трат. Но этого-то в огромном числе предприятий и не было сделано. «Чтобы реализовать новые нормы, надо провести организационно-технические мероприятия, а это как раз и не делается», отмечает «За Индустриализацию» (от 16-го августа) в статье, посвященной вопросу о росте текучести в ленинградских предприятиях. Очень ярко рисует эту картину корреспонденция с 1-го часового завода в «Труде» от 9-го сентября. На этом заводе ко времени пересмотра норм стахановки соревновались на максимальное повышение производительности труда и сами настаивали на значительном повышении норм выработки. При этом они ставили, правда, ряд «требований»: «обеспечить хорошим инструментом, предоставить достаточное количество измерительных приборов, привести оборудование в хорошее состояние» и т. п. И это еще нужно требовать! Но читаем дальше:

«Многие из наших требований были внесены в план организационно-технических мероприятий. Но этот план не выполняется. Ни одно из наших требований не реализовано. Оборудование не отремонтировали, оно расшаталось еще больше. Резцы и сверла стали еще худшего качества. Шлифовальщицы ежедневно простаивают из-за скверных дисков... Все это привело к плачевным результатам: В нашем цехе выполняется лишь 58% вновь разработанных и утвержденных норм... Зарботок многих стахановок, не говоря уже об остальных рабочих, снизился. Началась большая текучесть. С завода стало уходить все больше и больше стахановцев...»

«Текучесть» вновь стала грозной проблемой. О ней с Горьковского автозавода пишет знаменитый кузнец Бусыгин. Он отмечает, что стахановское движение пошло на убыль, что «выработка продукции и заработки оставляют желать много лучшего», и подчеркивает отсутствие внутреннего порядка на заводе, как основную причину неудовлетворительных производственных итогов. Но Бусыгин не закрывает глаза и на социальные причины этого поворота к худшему. «Может быть, расценки отдельных подсобных рабочих, которые выполняют довольно тяжелые и ответственные работы, за-

Болгарии. Если это ходатайство будет отклонено, я попытаюсь защищаться сам. Ни меда, ни яда навязанного защитника я не желаю и попытаюсь сам за себя сказать то, что я уже говорил и что еще хочу сказать.

«Я не хочу огорчать Торглера, которому уже достаточно огорчений причинил его защитник, но я охотнее предоставлю суду приговорить меня безвинно к смерти, чем примириться с защитой, подобной той, которую вел доктор Закс».

К сожалению, и к Советскому Союзу в полной мере применимо то, что Димитров сказал о Германии: нельзя иметь доверия к защитнику из этой страны, так как для защиты он «не обладает необходимой независимостью». Какой защитник осмелился бы серьезно противоречить прокурору Вышинскому и пытаться раскрыть истину?

А что было бы, если бы кто-либо из обвиняемых потребовал того, что Димитров не переставал требовать в процессе о поджоге рейхстага, — иностранных защитников? Можно легко представить себе это: ведь то же самое требование, сформулированное в нашей телеграмме за обвиняемых, «Правда» заклеила, как попытку «оклеветать советский суд».

Обвиняемые в Советском Союзе не смеют высказывать своего подлинного мнения о системе политической юстиции. Мы же заявляем открыто, что, пока будут практиковаться эти методы «процессов ведем», мы будем считать политическую юстицию Сталина столь же отвратительной, как политическую юстицию Гитлера.

Ф. Адлер.

(Окончание следует).

нижены», осторожно бросает он. Возросла текучесть, причем с завода все чаще уходят отличные стахановцы, публикующие в заводской газете письма о причинах ухода с завода. «Каждое из этих писем расказывает о возмутительном отношении к живому человеку» («За Индустриализацию» от 5-го августа).

Но и независимо от текучести число стахановцев на многих предприятиях резко сокращается. В тот же день, когда в «За Индустриализацию» была напечатана корреспонденция Бусыгина, в «Труде» было помещено письмо с Соболево-Щелковской мануфактуры: «Из 3 тыс. ткачих около тысячи были стахановками; теперь половина их не дотягивает до норм». Таких сообщений множество. «Большевик» (от 1-го сентября), в статье, посвященной годовщине стахановского движения, обобщает их для большей части текстильной промышленности:

«Особенно позорно работают льняная и хлопчатобумажная промышленность Московской, Ленинградской и Калининской областей. Тысячи стахановцев в этих отраслях, перешедшие на уплотненную работу, не выполняют новых норм. В июле в хлопчатобумажной промышленности этих областей только 25% (!) ватерщиц и 15% (!!) ткачей выполняли новые нормы выработки».

Хотя это из текста и не видно, но здесь речь идет, может быть, лишь о нормах выработки на единицу оборудования, выполнение которых при резком увеличении числа механических единиц, обслуживаемых одним рабочим, показывает особенно неблагоприятные итоги. Но и выполнение норм выработки на одного рабочего в большинстве отраслей промышленности оставляет желать очень многого. «Дело дошло до того», жалуется, говоря о промышленности в целом, цитируемая «юбилейная» статья «Большевика»: «что многие стахановцы перестали не только перевыполнять нормы, но и выполнять их». Что уж тут говорить о не-стахановцах?!

Даже и официальная пресса не решается объяснять эти неблагоприятные результаты стахановской псевдо-рационализации недостаточной производственной активностью рабочих, и «Большевик», говоря даже о стальной промышленности, — т. е. как раз о той отрасли промышленности, внутренняя организация которой находится относительно на высоте, — вынужден констатировать:

«Наши сталевары на многих мартеновских печах работают намного лучше, чем за границей: они добиваются лучших коэффициентов использования печей и дают лучшую производительность труда на человека*). Но высокая производительность сталеваров сдается очень часто неорганизованностью других участков производства, неорганизованностью подсобных цехов, тла производства».

Что неудовлетворительные производственные итоги стахановского движения отнюдь нельзя объяснить недостаточной производственной активностью рабочих, можно наглядно показать даже на примере особенно неблагоприятной каменноугольной промышленности. Кривая уголедобычи с начала года резко упала (см. выше). Но кривая производительности труда угольных рабочих значительно менее неблагоприятна. Это расхождение обеих кривых объясняется двумя причинами: уменьшением числа занятых в угольной промышленности рабочих и — может быть, еще в большей степени — ухудшением внутреннего распределения рабочих в угольных предприятиях, т. е. ухудшением организации труда. В «За Индустриализацию» от 11-го сентября опубликована

*) К такого рода утверждениям — а их можно встретить в советской печати немало — нельзя относиться с большим доверием: советские авторы любят сопоставлять рекорды отдельных рабочих в отдельные дни со средней, нормальной выработкой на хороших зарубежных предприятиях. Но это величины несравнимые.

ны ошеломляющие данные об утечке рабочих из угледобывающих предприятий Донбасса: с начала года донецкая угольная промышленность потеряла более 40 тысяч рабочих. Неспособность шахтоуправлений наладить внутреннюю организацию производства в соответствии с новыми повышенными требованиями, предъявляемыми к рабочим, вызывает отлив рабочих из предприятий, особенно значительный среди подземных рабочих. Процент рабочих, работающих в забоях, с 33,3 в 1935 году (% уже в 1935 г. недостаточный) упал к 1-му августа 1936 г. до 31,1%. И хотя производительность труда рабочего по забою с января по июль выросла на 3,1%, производительность труда, исчисленная на 1 трудящегося, понизилась на 2,0%.

Кстати, в качестве одной из причин этой растущей «утечки» рабочих из угледобывающей промышленности корреспондент «За Индустриализацию» отмечает тяжелые жилищные и бытовые условия горнорабочих Донбасса и особенно тот факт, что шахтоуправления, даже и имея в своем распоряжении значительные средства на жилищное строительство, почти не уделяют жилищному строительству внимания, и средства остаются почти не использованными. Это лишь один из симптомов того производственно-политического кретинизма, который пустил такие глубокие корни среди наших хозяйственников и кото-

рый в атмосфере стахановского движения тем более расцвел пышным цветом.

Советская печать пытается завуалировать неблагоприятные итоги стахановского движения ежедневными сообщениями об индивидуальных производственных успехах, о новых рекордах, о высоких заработках отдельных стахановцев. Этим путем пытаются вновь и вновь увлечь рабочих на путь максимального напряжения их трудовой энергии без устранения подлинных причин относительно низкого уровня производительности труда. Но это верный путь — в тупик. Как ни значительна в том или ином случае индивидуальная выработка, — ключ к решению проблемы прочного и длительного повышения производства лежит не в индивидуальности рекордов и не в крайнем напряжении интенсивности труда рабочих, а в систематической организационной и технической рационализации, ориентирующейся прежде всего на улучшение работы предприятия в целом, и еще — и далеко не на последнем месте — в подеме жизненного уровня всей толщи рабочего класса. В нездоровой обстановке, созданной шумихой вокруг стахановского движения, эта элементарная истина слишком часто забывалась.

С. Шварц.

ЛИТЕРАТУРА и ЖИЗНЬ

ПОСЛЕ РАССТРЕЛА 16-ТИ.

Официальная печать пыталась изобразить общественную реакцию на расстрел Зиновьева, Каменева и других в виде единодушного одобрения со стороны всего «народа-исполина». «Литературная общественность» этот «заказ» выполнила. В могилы казненных полетели комья стихотворной грязи и ругани, пущенные руками заплочных рифмоплетов. Президиум Советского союза писателей со своей стороны заверил власть, что «решение суда есть наше решение».

Стоит, однако, ближе присмотреться ко всей этой «гневной» литературе, мысленно составить список тех, чьи подписи отсутствовали под позорными заявлениями, или задуматься над теми, кто впервые дал или вынужден был дать свою подпись, чтобы все это «единодушие» предстало совсем в новом свете.

Процесс против «троцкистско-зиновьевской террористической группы» был воспринят не только в широких кругах коммунистической партии, но и в среде писательской общественности, как морально-политическое землетрясение. На убийство Кирова эта писательская общественность откликнулась в свое время с большим единодушием: Кирова убил никому неведомый коммунистический Акакий Акакиевич; среди болотной части писательской общественности было немало таких писателей, которые втихомолку даже надеялись на то, что вот сейчас-то и настанет для них эра «счастливой жизни» и что власть, убедившись в ненадежности своих же коммунистов, именно теперь по-настоящему оценит их без лести преданную любовь к себе.

К этим же выводам, только исходя из совсем других предпосылок, все больше склонялась и часть демократически настроенных писателей. Убийство Кирова искренне напугало их, как доказательство опасной живучести «леваков». Неся на всем протяжении революции наибольшее количество жертв, эти писатели давно чувствуют инстинктивную неприязнь к социальной динамике громадной революции, которая никак не хочет, не умеет кончиться и которая в их представлении олицетворяется в образе жестоких и нелепых «левацких головотяпов». Они искренно приветствовали поэтом

все мероприятия власти к «зажиму» «леваков». Курсы диктатуры на «родину» и «великорусскую народность» укреплял в них веру; которая с давних пор теплится в их политически-наивных душах, веру в возможность какого-то мирного самотека в развитии Советского Союза. В глубине души у них запрятана своя, замороженная «философия эпохи», по которой «разумное, доброе, вечное» все непременно должно в конце концов победить. Возвещенная в июне новая конституция была встречена в этих кругах писателей, как долгожданная масляная ветвь, как весть о приближении давно чуждого и зыбкого упорядочения радостно-обновленной жизни. Лучше других и, прежде всего, искреннее других, эту мысль выразил Б. Пастернак: Конституция «это праздник для мыслителя и художника, его долгожданное, после всех его 20-летних метаморфоз, новое совершеннолетие. И так, он не ошибся, радуясь и славословя даже в минуты душевных затруднений. В прирожденной тяге к великому, в неизменной вере в человека, давшего свое имя времени, он не мог не предчувствовать окончательного расковыливающего исхода... 21-го августа, когда Пастернак дал свою подпись под обращением писателей к суду с требованием «во имя блага человечества применить к врагам народа высшую меру социальной защиты» — в этот день эта вера в самотек «расковыливающего исхода» получила свою решающую трещину.

Эта непоправимая трещина пролегла и в представлениях той демократически настроенной писательской группировки, которая в последнее время политически наиболее активизировалась. Мы имеем в виду писательскую группу «Передел», о развитии которой я недавно писала в «С. В.» (1936 г., № 12). Только теперь в связи с исключением из союза и возможной ссылкой Ив. Катаева, одного из самых видных после Воронского представителей этого течения, «Правда» с возмущением поведала о том, что в последнее время эта группа «усердно добивалась разрешения на свой самостоятельный журнал или, на худой конец, альманах. Передел стал перерастать, как это очевидно, из группировки творческой в политическую».

Не спасло Ив. Катаева от расправы даже письмо, в котором он публично сказал: «Пусть же гнев народа истребит гнездо убийц и поджигателей, чтоб уж никогда больше не смогли они возмущать трудовое спокойствие страны, омрачать годы ее первого счастья». Именно ему и было предъявлено обвинение в сокрытии «своих непосредственных связей и прямой помощи ярким врагам партии — Воронскому, Минову, Малееву». Для одного из троцкистов, находившегося в ссылке, даже «собирались деньги. Деньги давали: Воронский, Ив. Катаев, Губер и Зарудин — члены группы «Перевал» — в священном ужасе перед такой «контр-революцией» сообщает «Правда».

Здесь уместно распутать один политический клубок, который сознательно и с редким упорством запутывается в течение ряда лет официальными прислужниками диктатуры. По своим политическим симпатиям, по всему, что писал Воронский в эпоху нэпа, он никогда не был троцкистом. Скорее всего он оформлял литературно-политическую идеологию правой оппозиции, был защитником завоеваний революции на путях демократизации режима. Но, если в отношении Воронского можно еще с огромной натяжкой вычитать из его высказываний «троцкизм» (а на сегодняшнем этапе принципиальная «защита завоеваний революции» — увы — стала «троцкистской» крамоллой!), то в отношении группы «Перевал» обвинение в троцкизме есть заведомая клевета. Политической доминантой мироощущения «Перевала» является глубоко мирная идея трудовой. Отблеск этой концепции еще трепещет даже на последнем письме Ив. Катаева, где он говорит о «трудовом спокойствии» страны, о боязни «омрачить годы ее первого счастья». Но официальные идеологи из «Правды» смеиваются «перевальцев» не только с «троцкистами», но и с остатками «рапповцев» и со всеми писательскими группировками, в которых подозревают возможное недовольство современным этапом развития. Политическая расшифровка такой тактики не сложна: сваливая в один котел контр-революции «Перевальцев», «троцкистов», «демократов» и т. д., коммунистические Пришибеевы тем самым говорят, что всякое недовольство режимом нетерпимо для выродившейся диктатуры. Но это имеет свою логику: тем самым они облегчают и убыстряют процесс консолидации стоящих на почве революции элементов оппозиционной России. Отсекая последовательно элементы «правой», «левой», «право-левацкой» оппозиции, отталкивая от себя всех тех, кто искренне хочет работать на почве Октябрьской революции, — с кем остается сама диктатура?

Ответ на этот вопрос можно получить, если присмотреться к той «единодушной» реакции на расстрел 16-ти коммунистов, которую манифестировали верные спутники диктатуры среди писательской общечеловечности. Процесс против всех революционных и демократических элементов внутри самой компартии, неизбежно должен был ударить и по советскому аппарату, и по советскому союзу писателей. В довершение всего из 16-ти расстрелянных по процессу, двое — Пикель и Тер-Ваганян — были членами союза. Пикель сотрудничал в журнале «Театр и драматургия» и в «Новом мире». Теперь, задним числом писатели наперебой уверяют, что Пикель «всегда» производил на них «отталкивающее впечатление», а редактора рвут на себе последние волосы за то, что помещали его очерки и рецензии. Впрочем, большинство этих возмущенных литераторов из боязни заразиться «тлетворным духом» писаний Пикеля, вероятно, не перечитали его очерков; иначе они должны были бы с конфузом констатировать, что все писания Пикеля тютелька в тютельку похожи на их собственные труды (разве только фактических знаний у Пикеля больше!) и в каждом очерке расстрелянного есть даже

НОВАЯ КНИГА : Otto Bauer Zwischen zwei Weltkriegen ? (Die Krise der Weltwirtschaft, der Demokratie und des Sozialismus)

355 стр. Цена 20 франков

Заказы направлять в контору «Социалист. Вестника»

венчающая все дело концовка о великом и гениальном Сталине!

Сложнее дело с Тер-Ваганяном. Вместе с красным профессором Фридляндом, вчера еще официально признанным авторитетом в области истории, ныне объявленным «террористом», Тер-Ваганян выступал в 1934-35 гг. в литературной дискуссии, устроенной редакцией журнала «Октябрь» и посвященной советскому историческому роману. Здесь они оба высказались в том смысле, что советский исторический роман до сих пор идет в фарватере старой дворянской тематики, тогда как давно пора было взглянуть на прошлую эпоху «снизу, увидеть в ней плебеев, которые до сих пор оставались незамеченными». Без этого, как правильно заметил Тер-Ваганян, расширение струи исторического романа есть «проявление стремительной агрессии национальной идеи к захвату сознания наишироких масс». Вряд ли после официальной реабилитации величия «великорусской нации» нужно говорить о том, какой «наглой вылазкой врага» прозвучали эти мысли в головах без лести преданных подхалимов.

Членом союза состояла, наконец, и жена Сокольников — Галина Серебрякова. Еще совсем недавно ее ластиво величали «стахановкой от литературы», устраивали ее «творческие вечера»; а сейчас, ответственные руководители союза, озабоченные спасением «в основном здоровых писательских кадров», прямо не знают, как им отмыться от «всей этой нечисти». Особенно возмущено чувствительное сердце этих «революционеров» книжкой Серебряковой «Женщины французской революции». Сама по себе книга незначительна и о ней не стоило бы говорить, если бы сегодня те же критики, которые вчера еще не могли нахвалиться Серебряковой, не занимались, пользуясь ее теперешней безгласностью, самой отвратительной клеветой на писательницу, подсовывая ей «симпатии к террористке Шарлотте Кордэ» и «снисходительно-пренебрежительный тон» в отношении положительных героинь революции.

Наряду со свистопляской вокруг пойманных с поличным «троцкистов», идет расправа во всесоюзном масштабе с «потатчиками» — редакторами, критиками и подозрительными писателями. Афиногенов, Амаглобели, Гронский, Марченко, Селивановский, Тарасов-Родинов, Трошенко, Шмюкле, проф. Ефремин, Зонин, Родов, Ральевич и т. д., и т. д. — все они «двурушники», троцкисты или в лучшем случае «пособники». Не лучше обстоит дело в провинции. «Троцкистские гады» свили себе гнезда в Иванове, в Минске, в Армении, в Новосибирске, на Украине — куда ни кинь, непременно наткнешься на троцкистский клин. Идут аресты, разоблачения, сыпятся эпитетики. Есть и просто «криминальные деяния»: в ряде мест писатели собирали деньги для нуждающихся ссыльных товарищей!

Тяжко читать все эти словонизвержения против «взбесившихся крыс контр-революции». И не только потому,

что они в основе своей лживы; потрясает во всей этой «литературе» амальгама из какого-то глубокого, доведенного до предела, равнодушия к предмету спора, рабьего бессилия и рабьей развязности.

На страницах же художественных журналов сейчас все больше завоевывает права гражданства сентиментальная халтура, политая дурной советской патокой. Но из всех видов творчества самым отвратительным является так называемая политическая лирика. Последний образец — стихи А. Безыменского «Возмездие миллионов», посвященные расстрелу 16-ти. Некий м-

стер мартена «с кулаком шершавым и огромным» затаил после расстрела только одну «думушку»: «Расстрелян враг, но я о том жалею, что пулю в сердце каждому злодею всадить за всех не поручили мне». И — о чудесная встреча желаний: ту же «думушку» оказывается затаил и старый бард Комсомолии, выпестованный когда-то Троцким!

Нет, с такими оставшимися «кадрами» и с такой тематикой далеко не уедешь!

В. Александрова.

К МОСКОВСКИМ КАЗНЯМ

В беспримерном революционном процессе Советский Союз создал экономический базис социалистического общества. Он создал гигантскую промышленность, принадлежащую не капиталистам, а составляющую общенародное достояние. Он коллективизировал сельское хозяйство. Он построил народное хозяйство, подчиняющееся не законам прибыли, а общественному плану.

Но этим отнюдь еще не завершено развитие к социализму. После создания **экономического базиса** социалистического строя встает задача приспособления к этому базису **политической и культурной надстройки**.

Все социалисты согласны, что только на основе общественной собственности и общественного производства может создаться царство подлинной свободы, подлинного человеческого достоинства, подлинной народной культуры. Создание такого царства на основе общественной собственности и общественного производства и составляет цель социализма. Если только террористическая диктатура могла преодолеть сопротивление, на которое наталкивалось обобществление производства, то сейчас встает задача постепенного разоружения диктатуры, развития ее в сторону социалистической демократии, чтобы на созданном диктатурой базисе общественной собственности и общественного производства построить мир свободы, человеческого достоинства, человечности, в котором социализм только и находит свое осуществление.

Тенденции такого развития в Советском Союзе несомненны. Новая конституция означает первый значительный шаг по пути к созданию социалистической демократии.

Но эта тенденция наталкивается на препятствия, сопротивление, встречные тенденции. Ни одна власть не отказывается с легким сердцем от своего господства. Ни одна власть не отказывается легко от привычных методов и орудий господства. Как только советская власть чувствует угрозу со стороны опасных врагов, она вновь хватается за старое оружие террора, которое было необходимо в период борьбы за социализацию экономического базиса, она вновь сокрушает своих противников методами террористического властвования.

Приспособление политически - культурной надстройки советского общества к новому экономическому базису происходит таким образом не прямолинейно. Оно снова и снова прерывается тяжелыми рецидивами терроризма. Если проект конституции означает первую значительную победу демократических тенденций, значительный шаг на пути к демократии, то процесс Зиновьева, Каменева, Смирнова и новая волна террора, которая последовала за осуждением и расстрелом давнишних сотрудников Ленина, означает, что страна на этом пути вновь решительно отброшена назад.

Эта борьба между демократическими тенденциями развития советского общества и контр-тенденциями, корнями в привычках властвования, сложившихся у правящей бюрократии, — борьба эта ведется из-за самого важного, самого святого: это борьба за **самое существо социализма**. В борьбе этой решается вопрос, сумеет ли Советский Союз, первое государство, создавшее экономический базис социалистического общества, доказать миру, что на этом базисе создается царство подлинной свободы, человеческого достоинства, человечности.

Социалистическая пресса по разному отнеслась к Московскому процессу. Одни социалдемократические газеты ограничились констатацией: «Все это от диктатуры». Но разве Советский Союз мог бы создать экономический базис социалистического общества иначе, чем методами диктатуры? Другие социалдемократические газеты ограничились тем, что черпали из Московского процесса аргументы для борьбы с коммунистами. Но сейчас дело идет о гораздо большем и гораздо более важном, чем аргументы для фракционной борьбы

внутри рабочего класса. Некоторые социалдемократические газеты открыли в Московском процессе даже симпатичные им черты. Не только в буржуазных, но кое-где даже в социалдемократических газетах мы встретились с такого рода мыслями: Сталин, человек «социализма в одной стране», расстрелял троцкистов, пропагандистов «мировой революции»; этим доказано, что Сталин отказался от мировой революции, что советское правительство не будет более поддерживать пролетарской революции в капиталистических странах. Тем спокойнее могут капиталистические государства сотрудничать с Советским Союзом в Лиге Наций и заключать с ним союзы.

Мы не подходим к Московскому процессу с такой государственной трезвостью. Для нас Советский Союз нечто большее, чем желанный союзник капиталистических государств. Для нас это страна рождающегося социализма. Страна, которая первой создала экономические основы социалистического общества и на которой поэтому лежит миссия первой показать миру, что на этой основе может и должно быть создано недостижимое для капиталистического мира царство осуществления высших человеческих идеалов. Не реформисты, а мы, возлагающие на Советский Союз величайшие надежды для дела социализма, были поэтому наиболее глубоко потрясены Московским процессом, пережили его, как я уже писал в другом месте, как «ужасное несчастье» для дела социализма во всем мире без различия партий и направлений *).

Процесс рассматривался Военной Коллегией Верховного суда. На скамье подсудимых типичная «амальгама»: рядом со старыми революционерами, ближайшими друзьями и сотрудниками Ленина, две-три сомнительных личности. Подсудимым вменялось в вину, что они совместно с агентами Гестапо организовали покушение на вождей Советского Союза, т. е. им было предъявлено обвинение в **самом тяжком преступлении**, какое вообще может совершить революционер. Все подсудимые отказались от защитников. Вина всех их доказывалась исключительно их собственными признаниями.

Допустим, что слепая ненависть к Сталину действительно привела старых революционеров к безумной и преступной мысли, что интересы революции требуют насильственного устранения Сталина. Как бы такие люди держали себя перед судом? Они бы открыто высказали свои взгляды и должны были бы бороться за свои убеждения. Они бы попытались выступить перед судом в роли обвинителей Сталина за то, что он повел революцию по ложному пути и погасил ее победу. Они попытались бы превратить процесс против них в процесс против Сталина. Так вели себя многие революционные террористы и пред буржуазным судом. Но ни один из 16-ти этого не сделал!

Можно было бы может быть возразить: но 16 как раз и не были революционными героями. Ну, тогда следовало бы ожидать, что они будут вести себя перед судом так, как ведут себя на суде обвиняемые во всем мире. Они бы отрицали свою вину, свое участие в заговоре. Если бы показаниями их соучастников была доказана их вина, они пытались бы по крайней мере уменьшить долю своей ответственности в этом заговоре и подыскивали бы для себя смягчающие их вину обстоятельства. Но и этого 16 не делали.

Напротив. Они с полной готовностью принимали все обвинения, которые выдвигал против них прокурор. Они при-

*) См. «Московские расстрелы», «И. И.» от 29-го августа; «Московский процесс», «Арбейтер-Цейтунг» от 30-го августа. — Независимо от меня, но в том же духе оценил Московский процесс ЦК Революционных Социалистов в Вене в специальном номере «Революционер».

знали даже, что отнюдь не идейные, политические мотивы руководили ими, а лишь жажда личной власти. Они сами называли себя бандитами, убийцами, предателями. Они сами заявляли, что заслуживают смертной казни. Читая отчет о процессе, нельзя отделаться от впечатления, что присутствующий при исповеди трагистов, раздавленных сознанием своей вины кающихся грешников.

Мыслимо было бы, конечно, что тот или иной из 16-ти, подавленный сознанием своей вины пытался бы облегчить свою совесть покаянными и уничтожающими его признаниями. Но все 16?

Выдающийся английский юрист Д. Н. Притт констатировал, что процесс велся с соблюдением процессуального порядка и что обвиняемые имели возможность свободно говорить перед судом. Но как раз это и делает неразрешимой загадкой поведение обвиняемых, психологически и криминалистически противоречащее всему судебному опыту человечества.

Это непонятное поведение обвиняемых на суде и является причиной того, что процесс этот оказался необидительным для очень большого числа критических наблюдателей в Европе. Это поведение обвиняемых произвело ужасающее впечатление во всей Европе: человеческое достоинство старых революционеров было сломлено еще до того, как они были уничтожены физически.

При всей загадочности Московского процесса его политический смысл и его политическая цель совершенно очевидны. Дело было не в обвиняемых. Дело касалось Троцкого. Представить его организатором заговоров на жизнь руководителей Советского Союза, союзником Гестапо, «контр-революционером», «бандитом», «фашистской собакой», морально его уничтожить — такова была цель процесса.

Процессом был дан сигнал для волны террора против всех, кто может быть заподозрен в каких-либо связях с троцкистами. В «Правде» от 26-го и 27-го августа Лежнев сообщает о чистке в ОГИЗ'е и в Союзе советских писателей. Против работников обеих организаций выдвигаются между прочим следующие обвинения: один поддерживал личные отношения с троцкистами; другой предоставил место секретарши сестре троцкиста; несколько человек собирало деньги для сосланных троцкистов; один выплачивал несоответственно высокие гонорары писателям, разоблаченным в настоящее время в качестве троцкистов; некоторые принадлежали к литературно-критическому течению «Перевальцев», главный представитель которого Ив. Катаев посетил какого-то троцкиста.

В чем дело, из-за чего этот поход против всех, кто подозревается хотя бы в отдаленных сношениях с троцкистами?

Ряд новых явлений в советской жизни, очень различных и подлежащих различной оценке, как культ вождя, как отмена в новой конституции классовых привилегий пролетариата и специфических черт советского избирательного права, как далеко идущая дифференциация заработков, как выделение — с помощью чинов, орден, знаков отличия и высоких доходов — привилегированного слоя, как реабилитация «семейных устоев», как ревизия школьной реформы, восстановление наказуемости аборт — противоречат большевистской партийной традиции и вызывают оппозиционные настроения, вызывающие опасность развития оппозиции советскому правительству слева.

Новая политика Коммунистического Интернационала переносит эту опасность на международную почву. Коммунисты выдвинули во Франции требование расширения Народного Фронта во «Французский Фронт» — фронт всех честных французов против угрожающей со стороны Гитлеровской Германии опасности. Коммунисты провозгласили в Испании лозунг, что в кровопролитной борьбе испанских рабочих не нужно ставить себе целью диктатуру пролетариата и социализм, а лишь спасение демократии от фашистского нападения (*). Коммунисты в Италии провозгласили лозунг «объединения фашистов и коммунистов, католиков и социалистов» для совместной борьбы против «200 семейств». В Австрии

*) Хосе Диас, вождь испанских коммунистов заявил корреспонденту «Попюлер»: «Мы достигли полного единства и оно закалено в борьбе. Лишь относительно будущего имеются разногласия между нами и некоторыми товарищами социалистами. Считаюсь с внутренним и международным положением, мы хотим бороться лишь за демократическую республику с широким социальным содержанием. В настоящее время не может быть и речи о диктатуре пролетариата или социализме, а лишь о борьбе демократии против фашизма. На этой почве мы победим. Об этом мы ведем споры в самой дружественной форме с нашими товарищами из среды левых социалистов» («Попюлер», 8-го сентября).

На складе „Социал.Вестника“

имеются следующие издания:

ЦЕНА ВО ФРАНКАХ
для подписчиков „Соц. Вестн.“

Вместо: 40% скид.

Ю. Мартов: Мировой большевизм.	7,50	4,50
Ю. Мартов: В борьбе за Интернационал.	9,00	5,40
Ю. Мартов: Долой смертную казнь.	3,00	1,80
Ю. Мартов: Большевизм в России и в Интернационале.	3,00	1,80
Ю. Мартов: Записки социалдемократа.	21,60	10,80
К. Каутский: Соц. Интернационал и Сов. Россия.	6,00	3,60
К. Каутский: Большевизм в тупике. Со статьей Ф. Дана «Проблемы ликвидации».	24,00	14,40
Фр. Адлер: Об отчете Английской Делегации (с предисловием Ф. Дана).	3,00	1,80
Ф. Дан: Два года скитаний.	12,60	7,60
Д. Далин: После войн и революций.	18,00	10,80
А. Югов: Народное хозяйство России и его проблемы.	31,50	19,00
А. Югов: Пятилетка. С послесловием Ф. Дана Перспективы генеральной линии.	25,00	15,00
Гр. Аронсон: На заре красного террора.	30,00	18,00
A. Jugow: Le Plan Quinquennal. ...	25,00	20,00
O. Domanewskaja: Agrarsozialismus in Sowjetrussland.	12,00	10,00
Th. Dan: Les Socialistes russes et la dictature du Proletariat.		1 fr.
R. Abramovitch: Les Prisonniers politiques dans la République des Soviets.		6 fr.
S. Schwarz: Lénine et le mouvement syndical.		6 fr.

Скидка лишь при покупке за наличный расчет!

На складе „Социалистического Вестника“
имеются следующие новые номера журналов:

№ 3 «Idée et Action», цена 2 фр. 50.

№ 3 «Sozialistische Tribüne», 152 стр., цена 10 фр

№ 10 «Der Kampf», цена 4 фр.

№ 3 «Marxistische Tribüne», 44 стр., цена 1 фр. 7.5

коммунисты попытались перекинуть мост к Рейтеру, Штауду, Куншаку, Добребергеру*) в надежде привлечь их к совместной борьбе против национал-социалистов.

Этот поразительный поворот Коммунистического Интернационала объясняется опасностью, которая угрожает Советскому Союзу со стороны Гитлеровской Германии. Коммунисты желали бы во Франции расширения Народного Фронта и превращения его во фронт «Французский» для того, чтобы возможно более сильное правительство организовало защиту союзной СССР республики против Гитлеровской агрессии. Коммунисты не желали бы диктатуры пролетариата в Испании, так как они опасаются, что соседство пролетарской диктатуры чрезвычайно обострило бы классовые противоречия во Франции и это резко ослабило бы силу сопротивления союзной СССР Франции пред лицом возможного нападения со стороны Гитлеровской Германии. Коммунисты готовы заключить союз с итальянскими и австрийскими фашистами лишь бы эти фашисты согласились занять враждебную позицию по отношению к наци и к 3-му рейху, угрожающему Советскому Союзу. Эта политика Коммунистического Интернационала логически привела бы в случае войны к бургфридену во всех союзных СССР капиталистических странах. Но эта политика находится в кричащем противоречии со всей доктриной и традицией большевизма и должна поэтому вызывать лево-оппозиционные настроения в коммунистической среде.

*) Это вожди бывшего «левого» крыла австрийской христианско-социальной партии. — Ред.

Но символом левой коммунистической оппозиции является имя Троцкого. Поэтому так яростны нападки на троцкизм! Всякий левый оппозиционер — троцкист, а всякий троцкист это сообщник убийц, констр-революционных бандитов, агентов Гестапо. Такова аргументация, которая должна в корне уничтожить развитие левой оппозиции в собственных рядах.

У нас отнюдь нет симпатий к троцкизму. Мы считаем его сектантским течением, некоторые существенные черты его нам представляются реакционными.

Троцкисты недооценивают, преуменьшают историческое значение того, что создано в Советском Союзе под руководством Сталина. Они борются против исторически-необходимых, прогрессивных, имеющих положительное значение изменений, совершающихся в советской республике и в советском обществе. Их ожесточенная критика затрудняет задачу объединения сил мирового пролетариата для защиты Советского Союза. Ограничиваясь лишь одним примером, я отмечу: смешно и противно, когда троцкистский листок в Австрии пишет о «сверхпаразите Сталине» («Арbeiterмахт», июнь 1936 г.).

Борьба троцкистов против Народного Фронта во Франции и Испании глубоко реакционна. И если троцкисты выдвигают лозунг образования 4-го Интернационала, когда важнейшей задачей является объединение пролетариата и преодоление противоречий между РСИ и Коминтерном, — то это худшее проявление сектантства.

И даже, когда троцкисты борются против новой политики Коммунистического Интернационала во Франции, Испании, Италии и Австрии, политики в конечном счете приводящей к бургфридену в борьбе против Гитлеровской Германии, — они совершают глубокую ошибку, противопоставляя политике бургфридена несовместимую с необходимостью защиты Советского Союза в случае войны политику «революционного пораженчества» во всех, в том числе и в союзных с СССР, странах. Поэтому в наших военных тезисах мы пытались наметить политику рабочего класса на случай войны, которая одинаково далека была бы и от схематического революционного пораженчества во всех капиталистических странах при всех обстоятельствах, и от бургфридена.

Но как мы ни далеки от троцкизма, и как определенно мы ни проводим границу между нами и им, нас все же никак невозможно убедить, что Троцкий, гениальный стратег Октябрьской революции и гражданской войны, — фашист, союзник Гестапо, контр-революционный бандит. И еще труднее убедить нас, что советское правительство монополично владеющее в Советском Союзе печатью, литературой, собраниями, организациями, не может бороться иначе, чем мерами террора с заблуждениями того или иного политического течения внутри коммунизма.

Тысячи коммунистов во всем мире думают о новой волне террора в Советском Союзе так же, как мы. Но они молчат. Они должны молчать. Московские диктаторы не терпят критики. Кто хочет оставаться членом коммунистической партии, должен отказаться от свободы высказывания своего мнения.

Но мы свободны. Поэтому нашей обязанностью было и остается — высказывать наше мнение. Тем более, что в борьбе тенденций внутри Советского Союза речь идет о самом ценном для нас: о самом существе социализма. Речь идет о том, сможет ли и докажет ли Советский Союз миру, что на экономическом базисе социалистического общества, завоеванном Советским Союзом путем героических усилий под руководством Сталина, что на этом базисе и только на нем может развиваться мир подлинной свободы, человеческого достоинства, человечности.

Поэтому нашей обязанностью является укрепление тенденций к демократизации Советского Союза, и во имя этого мы отмечаем и приветствуем каждый их успех. Но поэтому же нашей обязанностью является борьба против всех препятствий, встающих на пути демократического развития СССР, критика рецидивов и попятных шагов, прерывающих это развитие.

Гитлер призывает мир к крестовому походу против Советского Союза. Поэтому сейчас необходимее, чем когда-либо, убедить рабочий класс всего мира, что вместе с судьбой Советского Союза решается и его собственная судьба; что он должен сплотиться вокруг Советского Союза, защищать его, что в защите Советского Союза он должен суметь преодолеть свои собственные внутренние противоречия, восстановить свое единство. Но поэтому же и столь же необходимо содействовать упрочению демократических тенденций в Советском Союзе, победы которых удесятерят притягательную силу Советского Союза в глазах пролетариата всего мира и вербующую силу социалистической идеи. Поэтому же нужно бороться против рецидивов, прерывающих это развитие, усиливающих лишь врагов Советского Союза и противников единства пролетариата.

В конторе „Социалистического Вестника“ принимается подписка на следующие издания:

1. „NEUER VORWAERTS“ — еженедельный орган германской соц.-дем-тии, издаваемый в Карлсбаде, цена за 3 мес. — 18 франц. фр.
2. „ZEITSCHRIFT FUER SOZIALISMUS“ — ежемесячный орган Герм. Соц.-Дем. Раб. Партии. Цена за 6 месяцев — 20 фр. франков.
3. „ARBEITER-ZEITUNG“ — еженедельный орган австрийской с.-дем-тии, цена за 6 мес. — 12 франц. фр.
4. „POPULAIRE“ — ежедневная газета франц. соц. партии, цена за 3 мес. — 25 франц. фр.
5. „KAMPF“ — ежемесячный с.-д. журнал австрийской партии, цена за год — 40 франц. фр.
6. „IDÉE ET ACTION“ — ежемесячный журнал, цена за год — 25 фр.
7. „LA BATAILLE SOCIALISTE“, цена за год — 10 фр.
8. „LA GAUCHE REVOLUTIONAIRE“, цена 10 №№ — 5 фр.

Подписка принимается не менее, чем на 3 месяца по ценам издательств.

Пролетарский мир нуждается сейчас больше, чем когда-либо, в революционном, но в то же время независимом от московских властителей социализме, пытающемся объединить рабочий класс всего мира для защиты Советского Союза в решительной схватке между сплотившимся вокруг Советского Союза мировым пролетариатом и все более фашизирующимся капиталистическим миром. Но то должен быть независимый от московских властителей социализм; только свободный социализм способен путем свободной критики ошибок и рецидивов, вновь и вновь разверзающих моральную пропасть внутри мирового пролетариата и дающих моральное оружие смертельным врагам Советского Союза, — содействовать развитию Советского Союза на путях, отвечающих интересам мирового пролетариата: развитию, приводящему к созданию подлинно социалистической политической-культурной надстройки советского общества над ее социалистическим экономическим базисом.

Правда, коммунистическая пресса отвечает каждый раз на такую критику грубой бранью. Добрые намерения 7-го Конгресса Коминтерна давно забыты. Брань вновь вошла в порядок дня, как в те времена, когда Зиновьев стоял во главе Коммунистического Интернационала. Тогда всякий был социал-предателем, кто смел думать иначе, чем Зиновьев; теперь всякий, кто не хочет признать, что Зиновьев был «фашистской собакой», является защитником убийц и агентом Гестапо.

Луи де-Брукэр, председатель Социалистического Интернационала, в последнее время все чаще становится выразителем потребностей пролетарского движения поверх всех партийных границ. Это он, вернувшись из Мадрида, призывал к активной поддержке борющегося испанского пролетариата. Это он на Лондонском Конгрессе Международной Федерации Профсоюзов в мужественно и сильной речи ратовал за единство пролетариата. Это он, за своей личной ответственностью, без поручения со стороны еще колеблющегося Социалистического Интернационала, выступал на Брюссельском международном конгрессе мира. Но все это не помешало коммунистической прессе осыпать его в последние недели грубейшей бранью. Де-Брукэр ответил немногими достойными словами. Мы приведем их, так как слова эти являются и нашим ответом на коммунистическую брань. Де Брукэр писал:

«Я сказал, что отказываюсь видеть в Троцком сознательного сообщника Гитлера. «Правда» отвечает мне, что и я являюсь таким сообщником. Этим она доказывает, как легкомысленно бросает она свои обвинения и как прав я был, не принимая эти обвинения за чистую истину.

Но бранью никогда нельзя было заставить меня молчать. Я буду продолжать в России, как и всюду, оспаривать официальную истину каждый раз, когда по моему убеждению это окажется необходимым в интересах истины подлинной.

Единство плотомерно лишь между свободными людьми. Как свободный человек я хочу бороться за единство рабочего класса» («Пэпль» от 13 сентября).

(«Кампф»).

Отто Бауэр.

В РАБОЧЕМ ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

28 сентября состоялось в Париже **совместное заседание Генерального Совета МФПС и Исполкома РСИ** под председательством Леона Жуо (МФПС) и Луи Де-Брукера (РСИ). Заседание это было создано по специальному желанию Испанской Федерации Профессиональных Союзов.

В совместном заседании, как и в предшествовавшем ему отдельном заседании Исполкома РСИ, приняли участие следующие члены Исполкома: Де-Брукер (председатель), Сассуни (Армения), Жан Дельвинь и А. Вотерс (Бельгия), Хелтофт-Хансен и Е. Йенсен (Дания), Круменерль (Германия), Даллас и Гиллис (Англия), Лонге, Северак и Жиромский (Франция), Гварджалдзе (Грузия), Альбарда и Форринк (Голландия), Модильяни (Италия), один делегат Австрии, Ярблом (Палестина), Курский (Польский Бунд), Дан (РСДРП), Линдстрем и Фогт (Швеция), Хименец д'Асуа (Испания), Пауль (немецкая социалдемократия Чехословакии), Алиса Пельс (Международный Женский Комитет), Хансен и Олленгауэр (Социалистический Интернационал Молодежи), Фан-Росбрук (кассир, Адлер (секретарь)).

Совместное заседание было посвящено исключительно положению в Испании, о котором подробно доложили Паскуаль Томас (Испанская Федерация Профессиональных Союзов) и Хименец д'Асуа (Социалистическая Партия Испании).

В ходе последовавших за их докладами прений, затянувшихся до поздней ночи, представители почти всех стран имели случай высказать, насколько потрясены они были выслушанными сообщениями о героической борьбе испанских рабочих, поставленных в тяжелое положение недостатком оружия в то время, как в лагере фашистских генералов накапливаются пушки, танки и самолеты, которыми их попрежнему снабжают фашистские государства.

Все делегаты подтвердили непоколебимую верность международного рабочего класса делу испанской свободы и его готовность оказать Испании в эти трагические часы возможно более действительную помощь. Положение в Испании было рассмотрено в перспективе общего международного положения. При этом было констатировано единодушное убеждение, что в этой борьбе нейтралитета для международного

рабочего движения быть не может. Резолюция, высказывающая рабочему движению быть не может. Резолюция, высказывающая ботана комиссий, в которую входили: Мертенс (Бельгия), Гиллис (Англия), Лонгэ (Франция), Фогт (Швеция) и оба секретаря — Штольц (МФПС) и Адлер (РСИ).

В связи с совместным заседанием МФПС и РСИ состоялось 27 сентября в Париже **заседание Исполкома РСИ**, которому предшествовало **заседание Бюро**.

Исполком единогласно одобрил телеграмму, посланную председателями и секретарями РСИ и МФПС в Москву по случаю процесса против Зиновьева, Каменева и др.

Он выслушал краткое сообщение представителя испанской партии, Хименеца д'Асуа, о положении в Испании и обсудил доклады о деятельности Международного Фонда Солидарности в области помощи Испании и о поездке, недавно совершенной туда совместной делегацией РСИ и МФПС. Эта поездка, в которой участвовали гг. Жан Дельвинь и Прайс от РСИ и Штольц от МФПС, повела к созданию в Мадриде комитета из представителей испанской социалистической партии и испанской ФПС, в задачу которого входит — через посредство своего заграничного представительства — организация помощи испанским рабочим совместно с Международным Фондом Солидарности.

Исполком поддержал далее обращение Социалистического Спортивного Интернационала ко всем социалистическим партиям с призывом сделать особые усилия для поддержки Рабочей Олимпиады, имеющей состояться в 1937 году в Антверпене, чтобы обеспечить ей максимальный успех.

Исполком одобрил сделанный Алисой Пельс доклад о недавнем заседании Международного Женского Комитета при РСИ и об успешном проведении организованной этим комитетом женской учебной недели, и председательствующий поздравил социалистических женщин с успехом их работы.

В заключение Исполком принял постановление по ряду вопросов организационного характера.

ЗАГРАНИЦЕЙ

ДЕВАЛЬВАЦИЯ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВО ФРАНЦИИ.

Девальвация французского франка или, как гласит официальный термин, «поравнение» франка с другими мировыми валютами (англ. фунт, доллар), является в представлении его авторов лишь частью широко задуманного плана оздоровления мировой торговли и мирового обмена. Это первый шаг на пути к преодолению тех тенденций экономического национализма и автаркизма, которыми характеризуется мировая экономика за последнее десятилетие, — попытка хотя бы частично восстановить свободную торговлю в мировом масштабе путем постепенного снесения таможенных стен, континентов, ограничений ввоза и вывоза и т. п. Это — говоря вообще, — перенесение в область экономики той политики международного сближения, соглашения и разоружения, которую французское правительство Народного Фронта стремится проводить в области политической, дипломатической и военной.

Тем не менее, вряд ли приходится сомневаться в том, что политика девальвации в первую очередь продиктована чрезвычайно серьезными потребностями внутренне-французской экономической и финансовой жизни.

Гигантские социально-экономические сдвиги, вызванные социальным законодательством правительства Блюма; широкая программа общественных работ, созданная для борьбы с безработицей; школьная и другие реформы, энергично проводимые правительством Народного Фронта; необходимость поддерживать известный уровень вооружений, вызванная агрессивной политикой фашистских диктатур, — все это возложило тяготы на французскую казну, еще более усилило бюджетный дефицит, принявший грозные размеры еще при прошлых правительствах, и тем самым поставило перед правительством Блюма задачу изыскания новых средств для достижения бюджетного равновесия. Поскольку правительство Блюма отказалось от проводившейся прежними буржуазными правительствами политики «дефляции», т. е. «режима экономии»,

всей своей тяжестью дожившегося на массы рабочих, служащих, инвалидов и т. п., поскольку это правительство, стремящееся к возрождению экономической жизни подавленной кризисом страны, не могло еще ту же завинтить налоговой пресс, постольку перед правительством не было никакого иного выбора, кроме политики девальвации, расширяющей экспортные возможности, поднимающей цены, стимулирующей бегство от денег к товарам и тем самым способствующей оживлению производства и торговли.

Неизбежность частичной девальвации франка, невозможность для Франции на продолжительный период времени иметь валюту, на 30-40% более высокую, чем валюта ведущих промышленных стран (страны английского фунта и американского доллара), были настолько ясны, что с первых же дней образования правительства Блюма буржуазная капиталистическая печать, и именно она, больше всего настаивала на этой для нее очевидной и бесспорной истине. Нужно сказать, что как раз в среде Народного Фронта по этому вопросу не было единства мнений. В частности, коммунисты, а также и часть радикал-социалистов категорически высказывались против девальвации, не давая, однако, серьезных практических указаний на счет тех средств, которыми бы ее можно было заменить. Более дальновидная часть правительства, в частности Венсен-Ориоль и Леон Блюм, считались, однако, с вероятностью девальвации, и в глубокой тайне, — для избежания спекулятивной горячки, — вели переговоры с Соед. Штатами и Англией. В конце сентября наступил момент, когда девальвация, с точки зрения не только внутренней но и международной, стала возможной и относительно безопасной. Оставалось только обезвредить возможные отрицательные социальные последствия девальвации: поглощение неизбежным ростом дороговизны того повышения заработной платы, которой французский пролетариат добился в мае-июне своим беспримерным стачечным движением. Для этой цели правительство ввело в законопроект о девальвации пункт, устанавливающий «подвижную скалу» заработной платы, автоматически приводящую зарплату в соответствие с ростом индекса дороговизны.

ПОМНИТЕ О СТРАШНОЙ НУЖДЕ ССЫЛЬНЫХ И ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Но за четыре месяца существования Народного Фронта в стране чрезвычайно обострились социальные противоречия, и в частности чрезвычайно усилилась ненависть всех буржуазных партий по отношению к правительству Леона Блюма. Настроение растерянности и слабости, которое охватило буржуазные классы Франции в мае и июне, уступило место все более нарастающей злобе и классовой ненависти. В момент, когда правительство Блюма, наконец, явилось в Палату с тем самым «неизбежным и благотворительным» проектом девальвации, о необходимости которого не переставала трубить буржуазная печать, пока правительство еще колебалось, — в этот момент все буржуазные партии, за исключением части радикалов, вдруг оказались яркими или условными противниками девальвации. Их особенную ярость, в частности отчаянное сопротивление Сената, становящегося все больше и больше оплотом капиталистического консерватизма, вызвал пункт о «скользящей скале» и о заменившем его (в результате так называемого компромисса Кампенки) предложения о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий в борьбе против возможной дороговизны. Лишь после многократных исправлений и переголосований, лишь отказав правительству в чрезвычайных полномочиях и поставив его под контроль государственного совета и экономического совета, Сенат, да и то крайне незначительным большинством в несколько голосов, принял закон о девальвации.

Достаточно сравнить эти голосования с поведением Сената в мае и июне, когда он, под давлением народного движения, чуть ли не единогласно принимал самые революционные и далеко идущие социальные реформы, — чтобы измерить то состояние классового напряжения, которое создалось в стране за последние недели.

Спротивление буржуазии усиливается и растет. Саботаж принятых в июне социальных законов (коллективных договоров и др.) принимает систематический и трудно преодолимый характер. Одновременно на политическую арену начинают опять все острее выступать притихшие было одно время фашистские организации.

Классовая борьба во Франции вступает в новую, более резкую и острую фазу.

Р. А.

КРАСНАЯ СКАНДИНАВИЯ.

В разлагающейся, угрожаемой фашизмом и войною Европе особое место в качестве бастионов свободы, социального прогресса и непрерывного демократического развития отвоевали себе, благодаря силе и устойчивости социалистических рабочих организаций, северные государства. Это преимущество скандинавских стран, являющихся одновременно родиной и чистейшей «северной расы», и побед социалистической мы-

Таким образом впервые и на этих выборах, связанных с всевозможными ограничениями, социалдемократия стала самой сильной партией.

В итоге социалдемократия получила в ландстинге 2 новых мандата и консерваторы тоже 2. В Барнгольмском округе, где правительственные партии и оппозиция получили одинаково по 23 выборщика, пришлось прибегнуть к жребию, который решил вопрос в пользу социалдемократов.

Таким образом состав ландстинга, имеющего всего 76 мест, оказался ныне следующим:

Социалдемократы	31	Консерваторы	15
Радикалы	7	Крестьянская партия	22
Депутат Феррер. остров.	1		
Правительство	39	Оппозиция	37

Таким образом правительство располагает большинством в 2 голоса: большинство в ландстинге и фолькетинге становится отныне однородным, последняя цитадель реакции сломана.

Фашисты не получили ни одного мандата, как и коммунисты (которые, впрочем, и не выставляли кандидатов).

В Швеции имели место общие выборы во вторую палату риксдага (палата депутатов). Они должны были служить выражением мнения шведского народа о четырехлетии социалдемократической правительственной политики, успехи которой в деле преодоления хозяйственного кризиса известны всему миру.

Своими избирательными бюллетенями шведский народ сказал, что он признает блестящую работу социалдемократии и хочет и дальше ей предоставить руководство страной.

Но результаты шведских выборов имеют и более крупное значение. Они являются историческим событием: впервые рабочему классу удалось завоевать в европейской стране демократическим путем неоспоримое большинство, как среди избирателей, так и в парламенте. И лишь прискорбный раскол пролетариата мешает полному политическому использованию этого исторически знаменательного успеха.

Уже на последних выборах (сентябрь 1932 г.) партии рабочего класса (социалдемократия, независимые коммунисты и коммунисты) завоевали все вместе небольшое большинство избирательных голосов, но не завоевали большинства мандатов. Но при этом между списками этих трех партий существовала тогда известная связь (дававшая возможность взаимно пользоваться «остатками»). Теперь социалдемократия отклонила такую связь, и она существовала лишь между списками независимых коммунистов, переименованных в «социалистическую партию» (партия Чильбома) и коммунистами. Цифры дают следующую картину:

	Голоса		В %		Мандаты	
	1932	1936	1932	1936	1932	1936
Социалдемократы	1.039.349	1.336.554	41,7	45,9	104 *)	112
Чильбом	132.369	127.740	5,7	4,3	6 **)	6
Коммунисты	74.017	96.233	3,0	3,2	2	5
Рабочие партии	1.245.635	1.560.527	50,4	53,6	112	123
Консерваторы	582.843	511.471	23,4	17,5	58	44
Крестьянская партия	351.150	418.569	14,1	14,0	36	36
Свободомыслящие	250.379	375.769	10,1	12,6	24	27
Буржуазные партии ***)	1.244.941	1.352.690	49,6	46,4	118	107

ли, получило новое блестящее подтверждение в последних избирательных победах, имевших место в Дании и Швеции.

В Дании происходили лишь частичные выборы в ландстинг (верхнюю палату), и дело шло о том, чтобы лишить реакционную оппозицию большинства в нем и таким образом устранить последнее конституционное препятствие, стоявшее поперек дороги работе социалдемократическо-радикального правительства Стаунинга.

Выборы, происходившие в четырех избирательных округах (выборы непрямые, т. е. выборы выборщиков) дали следующие результаты:

	Голоса		В %		Выборщики	
	1928	1936	1928	1936	1928	1936
Социалдемократы	166.382	228.704	34,6	39,7	612	767
Радикалы	53.979	57.080	11,3	9,9	184	177
Консерваторы	77.757	118.112	16,2	20,5	207	380
Крестьян. партия	168.612	132.301	35,1	23,0	645	457
Фашисты (наци)	1.019	2.018	0,2	0,4	2	3

(кандидатуры выставляли кроме того еще три мелких партии).

При общем числе 230 мандатов большинство составляет 116. Таким образом, благодаря огромному успеху социалдемократической партии, выигравшей 11 мандатов, ей недостает лишь четырех мандатов для того, чтобы располагать самостоятельно абсолютным большинством. Она одна имеет больше мандатов, чем все три крупные буржуазные партии вместе взятые. При таких условиях само собою было понятно, что правительство Швеции снова переходит в руки партии, руководимой Пер Альбин Ханссоном.

Эти победы, за которыми, надо надеяться, последует вскоре дальнейший успех норвежской рабочей партии, подкрепляют тот общий лозунг, под которым идет в избирательные битвы социалдемократия скандинавских стран: «Север — народу!»

*) При роспуске риксдага 101.

**) При роспуске риксдага 8.

***) Кроме того две национал-социалистические (фашистские) партии собрали вместе около 20.000 голосов и не получили ни одного мандата; отколовшиеся от консерваторов националисты потеряли свои три мандата.

ПОБЕДА СОЦИАЛИСТОВ В ПОЛЬШЕ.

На ряду с социалистическими победами в странах демократии надо отметить как явление не только симптоматическое, но и могущее иметь значительные политические последствия победу социалистов (польских и еврейских) на муниципальных выборах в Лодзи. В Лодзи, в этом втором по величине и самом крупном промышленном центре Польши, социалистические партии на выборах 27 сентября получили абсолютное большинство голосов и мандатов (40 из 72).

Сравнение результатов нынешних выборов с прошлыми выборами (1934 г.) дает следующую картину:

	Голоса		Мандаты	
	1934 г.	1936 г.	1934 г.	1936 г.
ППС и др. раб. орган.	22.284	95.115	5	34
Бунд и «лев. П.-Цион».	8.311	23.762	3	6
Национал-демократы	98.361	77.929	39	27
Евр. буржуазный блок	21.429	14.932	10	3
Евр. сионистич. блок	12.643	10.601	4	2

Все остальные партии не получили ни одного мандата.

В особенности характерно, что правительственный блок так назыв. «Санация», которая из боязни избирателей выступала не под своим именем, а прикрывалась различными более звучными названиями, потеряла все десять мандатов, которые она получила на прошлых выборах, и сейчас не будет иметь в городском самоуправлении Лодзи ни одного представителя.

Столь же характерно и поражение националистов (н.-д.). Как известно, эта партия, стоящая в оппозиции к современному правительству, проникнута фашистскими и погромно-антисемитскими тенденциями.

Полное поражение испытали довольно многочисленные в Лодзи немецкие буржуазные партии. Обе национал-социалистические немецкие группы (Немецкий Народный Союз и Младо-немецкая Партия) собрали вместе всего 16.000 голосов, не получив ни одного мандата. Зато в городском парламенте будут заседать три представителя немецких социалистов, прошедших по общему списку с ППС.

Что этот яркий сдвиг влево не является лишь местным лодзинским явлением, доказывают муниципальные выборы в Млаве, равно как и незадолго до того имевшие место выборы в еврейские общины: тут рост социалистических голосов сказался с такой же яркостью и определенностью, как и на выборах в Лодзи.

Если привить во внимание то брожение, которое сейчас происходит в широких слоях польского крестьянства (см. статью т. Недзьялковского в «С. В.» № 14/15) и то внутренне-внешне-политически крайне неустойчивое состояние, в котором находится господствующая в Польше полу-диктатура, — то нельзя не усмотреть в этом сдвиге влево знаменательного симптома в борьбе польских народных масс за демократию и свободу.

ОБЩЕ-АВСТРАЛИЙСКИЙ СЪЕЗД РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

В конце июля состоялся в Аделаиде обще-австралийский съезд Рабочей Партии — первый очередной съезд после преодоления раскола, пережитого австралийским рабочим движением за последние годы и ослабившего его (о восстановлении единства см. «С. В.», № 8 за текущий год).

На съезде были представлены партии всех шести австралийских штатов 35 делегатами. В своей вступительной речи председательствовавший Кеннили отметил, что в настоящее время во главе трех штатов (Квинсланд, Тасмания и Западная Австралия) стоят рабочие правительства; есть большие шансы, что на предстоящих выборах объединенная партия снова завоеует большинство во всесоюзном парламенте, а вместе с тем и всесоюзное правительство. Это мнение подтвердил и рождь рабочей фракции во всесоюзном парламенте Кэртин. По его словам, благодаря состоявшейся объединительной конференции, во фракции исчезли все следы разногласий.

Обширные дебаты вызвала программа партии по вопросам финансовой и банковской политики: как известно, именно разногласия по этим вопросам вызвали в свое время раскол и они же приобретают теперь особое практическое значение в виду возможного перехода всесоюзного правительства в руки рабочей партии. Съезд высказался за сохранение нынешней программы партии по этим вопросам, провозглашающей принцип национализации банков, кредита и страхования. В то же время съезд принял предложенное фракцией всесоюзного парламента дополнение к программе, устанавливающее порядок приведения в действие этой части программы и де-

тально формулирующее политику партии в вопросах банков и кредита.

По вопросу об обороне страны и войне съезд принял постановление, в котором излагается точка зрения партии по следующим пунктам: самое решительное противодействие войне и фашизму; всесторонний контроль союзного правительства над производством военного материала; целесообразный план обороны страны, охватывающий развитие воздушного вооружения, устройство аэродромов и складов на стратегических пунктах, заготовку запасов горючего и систематическое изучение естественных месторождений нефти и искусственных методов производства ее (особенно из угля), подготовку убежищ на случай бомбовой или газовой атаки и способов эвакуации женщин и детей из угрожаемых районов, поддержание на надлежащем уровне сухопутных и морских военных сил, изучение всех отраслей промышленности с точки зрения их возможного содействия обороне страны. Необходимые для проведения всех этих мероприятий расходы должны быть учтены финансовою политикою рабочей партии.

В сфере экономической политики отстаивавшееся до сих пор партией требование 40-часовой недели было заменено требованием 30-часовой недели. Были сформулированы также требования партии в области социальной политики и борьбы с безработицей. Дальнейшие постановления касаются таможенной, налоговой политики и т. д.

ИСПАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СОВЕТСКИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ.

Нам сообщают для опубликования следующую телеграмму, посланную из Испании, с Арагонского фронта, в Москву:

«ЦИК, Сталин. Москва, СССР.

Делегация анти-фашистских милиций Арагонского фронта просит русское правительство облегчить отъезд в Испанию славных борцов Франческо Геззи, Отелло Гажжи и Германа Сандомирского. Рассчитываем на их немедленный выезд.

Делегат Каспской колонны, Иоахим Аскасо.

Делегат колонны Дуррути, Эмилиенна Морин-Дуррути.

Делегат прессы Национальной Конфедерации Труда в Леванте, Альфонсо де Мигуэль».

Геззи и Гажжи — итальянские, Сандомирский — русский анархист; пребывают уже ряд лет в советских тюрьмах и ссылке. Национальная Конфедерация Труда — анархо-синдикалистская профессиональная организация Испании.

75-ЛЕТИЕ А. БРАКА.

Нашему славному французскому товарищу А. Браку исполнилось 75 лет. По его собственному настойчивому желанию день этот не был отмечен никакими официальными чествованиями: наше время, требующее от рабочего класса такой напряженной борьбы, полное такого драматизма и так насыщенное предчувствием грядущих великих битв, в которых на столетия будут решаться судьбы человечества, мало пригодно для обращенных к прошлому торжественных «юбилеев».

Но 75-летний Брак — это далеко не «прошлое» или, точнее, далеко не только прошлое. Его характерная и столь многим так хорошо знакомая фигура неразрывно связана со всей историей французского и международного социализма за последние полвека. Но типичное для французского социализма стремление к простоте, ясности, логической отточенности, но в то же время и известной неподвижности понятий, формул, лозунгов и силлогизмов ни в малой степени не превратилось у Брака в догматическую окаменелость. Его марксизм — а Брак является одним из самых ученых и глубоких марксистов французского и международного социализма — насквозь «диалектичен» и потому делает его способным понимать меняющийся мир в его движении и самому двигаться вместе с миром. Он принадлежит поэтому столько же настоящему, сколько прошлому, и в 75 лет является таким же усердным и пламенным кузнецом будущего, каким был на заре своей юности.

На последних выборах в палату депутатов Брак не выставил своей кандидатуры: он хотел уйти на политический «покой», чтобы закончить труды свои по древне-греческой литературе, — ибо Брак является одновременно ученым эллинистом, профессором Сорбонны. Но интимная, неразрывная связь Брака не только с прошлым, но с настоящим и будущим рабочего движения в том и сказалась, что покой! этот, отход от политики во имя науки, оказался для него невозможен: 75-летие застает его заместителем возглавлявшего правительство Народного фронта Леона Блюма на тяжелом и ответственном посту политического руководителя «Попюлер», центрального органа французской социалистической партии,

представителем партии в Интернационале, оратором на тех бесчисленных митингах и собраниях, в которых трудящиеся массы Франции сплачивают свои силы и куют свою волю к «последнему и решительному бою» за демократию и социализм. «Покой» превратился в такую напряженную политическую работу, какой Брак не знал, быть может, за всю свою долгую жизнь.

С гордостью и радостью видит великая армия труда Франции и всего мира в первых рядах своих поседлого в боях борца, донесшего до старости ясность своего ума, пыл своего сердца и горячность своего темперамента. И пусть его 75-летие не отмечено никаким официальным «юбилеем»: весь мир французского и международного социализма несет ему свой пламенный привет, свою глубокую благодарность за прошлое и свою горячую надежду на то, что ему еще долго будет суждено строить будущее человечества, держать освобождающий меч социализма в своих руках.

От имени нашей партии т. Дан обратился к А. Браку с следующим письмом:

«Дорогой Брак, из статьи Де-Брукера в брюссельском «Пэпль» я узнал, что Вам исполняется 75 лет.

Я не знаю, будет-ли это событие как-нибудь «отпраздновано» или Ваша скромность и личное бескорыстие помешают ему стать тем, чем оно должно было бы быть — подлинным праздником всего Социалистического Интернационала. Как бы то ни было, я хочу выразить Вам от имени моей партии и от своего личного имени те чувства глубочайшего уважения и почтительной дружбы, которые все мы питаем по отношению к Вам. Мы желаем Вам навсегда сохранить ту силу и возвышенность мысли, ту удивительную чуткость к новым задачам, которые ставит перед мировым рабочим классом новая эпоха, тот боевой темперамент в идейной борьбе и ту юность духа и сердца, которые побеждают возраст и делают из Вас одного из самых молодых в нашем международном социалистическом братстве.

Позвольте мне, дорогой Брак, братски обнять Вас».

ПО РОССИИ

МОСКВА. — Процесс Зиновьева-Каменева. — Новая конституция.

Недавно вернулся из длительной поездки. Еще в дороге узнал из газет о приговоре по делу Зиновьева-Каменева. Сам процесс, лица, фигурировавшие в нем, расстрелы — все это произвело впечатление разорвавшейся бомбы. И в то же время, как это ни покажется вам странным, в довольно значительных кругах населения ни процесс, ни даже приговор не вызвали того единодушного осуждения и возмущения, каких следовало ожидать. Пожалуй, это впервые за все годы, что и среди служащих, и среди интеллигенции, и даже среди рабочих встречается немало людей, готовых почти благожелательно отнестись к постановлению суда. Это факт, который необходимо взвесить, проанализировать и учесть при оценке современного положения в Советской России. В отличие от сплошь недоверчиво-критического отношения к прежним якобы-судебным расправам, — на этот раз часто приходится встречаться с мнением, что налицо действительно был заговор, в случае осуществления которого страна могла быть ввергнута в новую междоусобную войну и всякие перспективы демократизации были бы снова надолго отодвинуты назад. Известное значение имеет в этом отношении, быть может, и однообразие фигур подсудимых, часть которых была — по крайней мере, в служилой среде — определенно популярна (Зиновьев, Каменев, Бакаев, Мрачковский).

У наших товарищей после процесса снова, как и несколько лет тому назад, чувствуется большая настороженность...

Что касается новой конституции, то наше отношение к ней вам уже известно из предыдущего письма. Мы все придаем ей историческое значение, как с точки зрения внешней эволюции коммунистической диктатуры, так и потому, что по ряду основных пунктов компартия, хотя бы формально, заняла позиции, которые всегда отстаивала революционная социалдемократия.

Значительная часть населения, и притом в самых разнообразных кругах, встретила конституцию, как нечто, означающее начало новой эры, и расценила ее, как первый шаг к действительной демократии. Характерен разговор мой с сапожником, к которому я обратился с предложением сшить мне ботинки: «Сейчас я только чиню обувь», — сказал он мне, — «иначе не вылезу из налогов, а вот подождите — после съезда я уж вам сошью. Только вы, молодые люди, поддержите нас тогда».

Немало однако и скептиков, заявляющих, что и старая конституция была не плоха, да толку из этого мало. Все-же мы все считали бы глубоким заблуждением утверждение, что ничего нового конституция с собой не несет. Мы считаем, что она создает некоторые весьма существенные и реальные предпосылки для борьбы за демократизацию советской системы. Наша задача, как мы ее понимаем, использовать эту новую обстановку для борьбы за подлинную демократизацию, добиваясь действительной свободы самостоятельности и политической организации трудящихся.

5-го сентября.

Н.

ИЗ ПАРТИИ

СБОРЫ НА НУЖДЫ ИСПАНСКИХ БОРЦОВ.

В с.-д. клубе им. Мартова собрано на нужды испанских борцов против фашизма 865 франков, которые переданы по назначению.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Die Revolution, Organ der Revolutionären Sozialisten Oesterreichs. Sondernummer zum Moskauer Prozess. Wien, September 1936.

La Révolution Proletarienne, N° 230, 231.

La Phalange, 1 sept. 1936. Supplément au N° 8.

Prométhée, N° 117.

Новая Россия, 15 сент. 1936, № 2.

Comité Socialiste pour la Palestine Ouvrière. Bulletin N° 10. Paris, Août 1936.

Der Kampf, Internationale Revue. N° 10, Oktober 1936.

Que faire? Revue communiste. N° 22.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 10/9, 22/9, 5/10.

Отослано: № № 22 и 23.

Через контору

„Социалистического Вестника“
можно приобрести

старые русские революцион. и социалистические

ЖУРНАЛЫ, ГАЗЕТЫ,
СБОРНИКИ, КНИГИ,
ЛИСТКИ, ПРОКЛАМАЦИИ

ИЗДАНИЯ, выходившие легально в гг. 1905—1907, 1911—1914 и в 1917—1918

ИЗДАНИЯ, выходившие за-границей для пропаганды в России

Брошюры Плеханова, Аксельрода, Мартова, Ленина, Троцкого, Дана и др.

Газеты „Искра“, „Социал-Демократ“, „Пролетарий“, „Последние Известия“ и др.

Протоколы съездов и конференций.

Революционные издания на украинском, еврейском, грузинском и армянском языках.

Журналы и газеты имеются полными комплектами и отдельными номерами

Для просмотра списков и с запросами обращаться:

“LE COURRIER SOCIALISTE”

141, Rue Broca, bat. 11, PARIS (XIIIe)